
ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. 1747 год

Отношение канцлера Бестужева к Сенату. - Усиленные заботы Сената о финансах вследствие политических обстоятельств. - Старые хлопоты о соли. - Меры против корчемства. - Табак. - Недостаток в деньгах и рабочих руках. - Результаты ревизии. - Записка графа Петра Шувалова о способе умножения доходов. - Препятствия для торговли. - Магистратские беспорядки. - Препятствия для внешней торговли со стороны Польши. - Промышленность. - Разбои и пожары. - Полиция. - Областное управление. - Коллегии. - Дела церковные. - Дело о госпитале. - О Пыскорском монастыре. - Противоположные мнения иностранцев о России. - Переговоры о "перепущении" русского войска для морских держав. - Успех переговоров. - Дела австрийские. - Дела саксонские. - Отношения к Польше по поводу гонения на православие. - Дела прусские. - Дела шведские. - Дела турецкие. - Самозванец Федор Иванов. - Дела персидские.

Мы видели, что берлинский двор сообщил петербургскому бумаги несчастного Фербера, касавшиеся русских дел. Вероятно, в Берлине думали, что письмо Фербера достигло своего назначения, и хотели выказать свое чистосердечие. Но в Петербурге приняли находившиеся в бумагах известия за верные, и Бестужев воспользовался выходкою Руденшильда против Сената, чтобы высказаться и со своей стороны против этого учреждения. Против слов Руденшильда он сделал такое замечание: "Канцлер ее император. величеству слабейшее свое мнение всенижайше представлял, что как для облегчения ее императ. величеству государственного правления решением спорных в Сенате и иных коллегиях случающихся дел, так и для пользы самодержавной империи не бесполезно было бы Кабинет из верных и надежных подданных сочинить, при котором мнению канцлер и поныне остается, не имея притом никакого о себе вида, ибо ему и без того дел довольно и едва оными исправиться может". Действительно, Алексей Петрович никогда не бывал в Сенате, отговариваясь постоянно иностранными делами. Сенат в своем правительствующем значении мог не нравиться канцлеру при настоящем составе: виднее других были в нем два члена - генерал-прокурор Трубецкой и Румянцев - оба враги Бестужева; в последнее время особенной деятельностью начал отличаться в Сенате граф Петр Ив. Шувалов, тоже человек враждебный Бестужеву. Но мнение канцлера не могло произвести впечатление на Елисавету: отказаться от восстановленного ею отцовского учреждения и возвратиться к Кабинету, напоминавшему ей самое ненавистное время, она могла считать крайним для себя унижением.

Сенат был обеспечен при ней и продолжал заниматься главным делом - "денег как можно более собирать, ибо деньги суть артериею войны", а война казалась неизбежна по европейским отношениям. В начале года уже был издан указ о наборе 50000 рекрут, также драгунских и подъемных лошадей. Вопрос о соли продолжался в прежнем виде: в Астрахани подрядчики объявили условия: 1) если рабочим за побег с судов будет положено жестокое наказание и будут их ссылать в каторжную работу зарабатывать взятые ими от подрядчиков деньги; 2) если рабочим наемная цена определена будет законом, то они, подрядчики, за поставку соли возьмутся по прошлогодним ценам; в противном случае ни по какой цене подражаться не станут, опасаясь, чтобы им от побегов рабочих не прийти в совершенное разорение.

Медицинская канцелярия по запросу Сената объявила, что взятая с Элтонского озера соль и соляной тузлук по всем химическим регулам исследованы и явилось, что она без литрования для человеческого употребления не вредна, а затем к экономической потребности без всякой опасности и повреждения здоровья в пищу и к солению мяса и рыбы полезна быть может. Поэтому вследствие донесения посланного осмотреть Элтонское озеро полковника Чемодурова приказали: 1) с озера соль заготавливать и вывозить в Дмитриевский город, что на Камышенке, и в Саратов и заготовлением и отправлением заведовать комиссарству, имеющему состоять из Чемодурова и двоих других членов. 2) Для защиты от набегов калмыков и прочих народов и чтоб, кроме казенной поставки, никто с озера тайно соль не вывозил, построить земляной городок. 3) Для возки соли сделать к весне 1748 года в Казанском и Вятском уездах десять судов. 4) Печатными указами вызвать поставщиков, которые бы взяли с озера соль и ставить в казну. Заботиться об элтонской соли заставило Сенат донесение Строгановых и других пермских солеваров, что леса около их варниц истребляются; а это все будет более и более препятствовать выварке соли в достаточном количестве, и потом то обстоятельство, что доставлять бузун из Астрахани далеко и дорого, и потому относительно этой соли надобно ограничиться только ближними к Астрахани местами. Но пользование элтонской солью было еще впереди, и баронам Строгановым послали указ, чтобы к отпуску 1747 года непременно выварили три миллиона пудов. Строгановы в мае отвечали жалобой на крайнее свое изнеможение, к тому же потерпели большой убыток от пожара в Твери, где у них сгорели дом, амбары и соль, а в начале июня Соляная контора донесла, что в настоящем году недоварено соли у Строгановых до миллиона пудов; а у других четверых заводчиков - до 300000 пудов; другой солью, кроме пермской, верховые города удовлетворить нельзя, потому что бузуном довольствуются города Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерний, а далее Нижнего Новгорода в другие города отпускать бузун за высокими ценами нельзя: в Нижнем Новгороде пермской баронской соли истинная цена - 9 копеек, а с вычетом таможенных пошлин - 8 коп. за пуд, бузуну же истинная цена - 18 копеек пуд; а если Строгановы третьего миллиона пудов не выварят, то

может произойти конечный недостаток в соли. Послали Строгановым указ с крепчайшим подтверждением выварить до трех миллионов пудов. Строгановы объявили, что ни одна просьба их не исполнена, а между тем убытки так увеличились, что капитал их весь утратится без остатка. Велено им варить соль на 1748 год, но для этого им нужно 509577 рублей на один завар; но когда первый завар начинается, на другой заключаются подряды и деньги в задатки выдаются; а когда первый завар кончился и в Нижний соль пошла, то второй завар начинается; денег они не выручают, потому что деньги идут на уплату казенных долгов. В ответ послан указ: выварить и поставить без отговорок.

Кроме продажи соли у казны был еще доход с продажи вина, но этот доход уменьшался от корчемства. Корчемная контора послала в дворцовую Куньевскую волость двоих обер-офицеров с командою для забрания оговоренных корчемников, и велено им было заехать в село Измайлово, взять для подмоги тамошнего управителя и служителей. Но управитель Изволов указа не принял, сам не поехал и никого не послал. Когда команда пришла в деревню Кузнецы, то жителей в домах никого не нашла, а в других деревнях и лесах сыскано 43 варницы, на которых по два и по три очага и дрова горят, да нашли вина до 1000 ведер, 14 кубов, 3 котла железных; кроме того, на каждой варнице по два великих чана с брагою. Поймано было 8 человек и отдано под караул в одной деревне на крестьянском дворе; но, когда команда занималась в других местах сыском корчемников, пришли крестьяне Куньевской волости в большом числе, забрали караульщиков, колодников, вино, кубы и ушли неведомо куда. Но не одни крестьяне так защищали свой вольный промысел: корчемная контора доносила, что посланный ею обер-офицер с командою для выемки вина в дом подполковника Дохтурова должен был выдержать бой с хозяином.

Табачный сбор отдан был на откуп во всем государстве московскому купцу Матвееву на шесть лет за 42391 рубль ежегодно. Но денег было мало, особенно ввиду издержек на усиление и передвижение войска; малороссиянам, поставлявшим в прошлые годы провиант и фураж в военные магазины, по недостатку денег велено заплатить парусными полотнами с казенной почепской фабрики. Денег мало, и рабочих рук мало. Адмиралтейство доносило: Сенату известно, как в привозе корабельных лесов была остановка за недостатком рабочих с указными печатными паспортами; на пристанях оставалось множество леса, от долговременного лежания пропадало, а в строении и починке флота происходил недостаток. Сенат разрешил: если с печатными паспортами потребного числа рабочих не сыщется, то позволить нанимать и с письменными на один 1746 год. Но теперь Адмиралтейство опять представляет: хотя в 1746 году многим больше лесов в отвоз забрано и в пути зимовало, однако на пристанях немало их осталось, ибо вдруг всего забрать в один год было нельзя, а подрядчиков никого не является, тогда как в лесах крайняя нужда: нет лесу на 40 галер; некоторые корабли строены в давних годах и сильно

повреждены, надобно их чинить, а для доставки леса нельзя надеяться набрать рабочих с печатными паспортами. Сенат разрешил и на 747 год нанимать с письменными паспортами. Адмиралтейство потребовало, чтоб то же было позволено и на 748 год, и Сенат согласился.

Ревизия оканчивалась, количество народонаселения оказывалось больше против прежней переписи, следовательно, больше должно было собираться подушных денег, и указом 27 января вновь учрежденные батальоны велено довольствоваться из новоприбылых по последней ревизии подушных денег. Но по новой ревизии, оказывалось с прибылых душ в полугодовом окладе в 32 провинциях прибыли 317329 рублей, а в 8 провинциях убыли 41941 рубль, за исключением этой убыли прибылых денег было 275388 рублей, а в остальных пяти провинциях за неприсылкою ведомостей неизвестно было, имеется ли прибыль или убыль; на новые же батальоны требовалось более, именно недоставало 115810 рублей. Сенат приказал взять верные ведомости из Берг-конторы, сколько теперь в Петербурге налицо и в пути железа и какая по последнему торгу его цена.

31 июля граф Петр Ив. Шувалов представил Сенату записку о способе умножения дохода казенного: "Всевидящее око, особливим смотрением руководствуя вечной славы достойного государя, отца отечества, великого Петра, которого трудами слава Российской империи процвела, к вящей же ее славе многие беспримерные дела благословил бог старанием и трудами матери Отечества государыни всемилостивейшей пред глаза свету произвести, а чтоб благословенная слава империи не была где-либо занозою в завидливых сердцах, сумнительства нет, следственно, дальние виды, заключенные в зависти, чрез оное не закрытны быть стали. Ее император. величества августейшей государыни нашей все виды те суть, из которых слава и польза, безопасность и целость государства состоит; к оному освященному ее импер. величества виду и вящей пользе и безопасности государства и подданных предприятием потребно, дабы доходы государственные были умножены. Конечно, полезнее быть ничто может, как в государстве иметь такой пункт, который бы во время надобности бессумнительно доход государственный умножил, а оный не токмо к тому служить может, как самое его действие есть пользы поиск, о целости надлежащей отпор в защищение учинить, но довольную опасность поставить в тех, которые буде в рассуждении не довольных доходов наших, завиствуя благословенной славе, что-либо противное покою проискивают, и сим уповательно все дальновидные происки, противные покою, конец свой примут в том рассуждении, что в благословенной державе ее императ. величества дал Вышний довольно того есть, которое многие государства тем преимуществует, а особливо люди - пропитание, к тому же весьма против всех государств дешевое войск содержание, и оное окрестным державам небезызвестно; притом самонужнейшее для содержания умноженных и впредь в потребных случаях умножаемых на довольно содержание войск учрежденный способ доходов казенных весьма верные повседневно в сбор к течению готовы известны будут же,

которое вконец нежелательно бы капитал лежащий, понеже по продолжению нужных обстоятельств из него вынимая без возвращения, достатков добрать можно, а, напротив того, наш порядок новоучрежденный быть имеет такой, который умаления в себе вовсе иметь не может, но будет единое обращение циркулярное бесконечное".

Порядок должен был состоять в том, чтобы уравнивать повсюду цену соли и вина, в нужном случае увеличивать эту цену и лишек обращать на войско в дополнение к подушному сбору. Известно, что соли в государстве расходуется 7474078 пудов и вина не менее 2000000 ведер; следовательно, если б, например, потребно было получить денег 2028815 рублей, то сверх разверстки на соль прибавить по 13 3/4 копейки, и придет 1028815 рублей 85 1/2 копейки, а на вино сверх разверстки прибавить по 50 копеек на ведро, получится миллион, или прибавить больше на вино, а меньше на соль, как угодно. Этот излишек за соль станет приходить и со всех тех, которые ничего не платят в помощь положенных в подушный оклад; если же вышеписаную сумму собрать с положенных в подушный оклад, то придется с числа ныне обреченных душ, именно 6491381, сверх обыкновенного подушного сбора положить на душу по 31 1/2 копейки, что будет им чрезвычайно тяжело, да и нельзя надеяться, чтоб бездоимочно можно было собрать; а если б и собрано было со взысканием обыкновенным порядком, то без содержания под караулом и прочих строгостей обойтись нельзя будет; в последующем же за тем годе не только нельзя надеяться получить вновь такой же сбор, но сомнительно, чтобы и настоящий оклад можно было выбрать по причине такой значительной накладки, а, конечно, останется доимка немалая; а за вино станут платить не сохраняющие впрок себе своих денег, которых как ни унимать, а все нельзя удержать от пьянства.

Шувалов подавал мнение об уравнивании цен на соль еще в 1745 году; Сенат согласился, но императрица не утвердила, склонясь на противное мнение фельдмаршала князя Долгорукого. Теперь ввиду увеличивающихся расходов Сенат опять принял мнение Шувалова, рассуждая, что соль продается неравными ценами от 3 1/4 копеек до 20, 30 и 40 копеек, а в некоторых местах до 50; в 1742 году соли продано 7484708 пудов, денег в сборе 1587111 рублей, из которых чистого дохода 755600 рублей, и если для уравнивания продавать соль во всех местах по 35 копеек пуд, то прибыли будет 1028815 рублей. Объявил несогласие один сенатор, князь Ив. Вас. Одоевский, который представлял, что если увеличить цену на вино, то винные откупщики откажутся, и требовал, чтоб запрещено было частным людям курить вино. Генерал-прокурор Трубецкой подал мнение, в котором опровергал Одоевского, и последний согласился. 9 декабря Шувалов представил новое мнение: поташные казенные заводы становятся в убыток, а крестьян к ним определено 27610 душ; надобно у поташных заводов крестьян взять, а вместо того приписать ближайших крестьян к добыванию элтонской соли, иначе это добывание не пойдет как следует. Окончательно Сенат решил доложить императрице, чтоб продавать соль по 35 копеек

езде, исключая Астрахань и Красный Яр, где продавать по 17 1/2 копеек за пуд, чтоб рыбные промышленники не очень много наложили на соленую рыбу, без которой народу пробыть нельзя.

Для сокращения расходов Сенат, разумеется, должен был хлопотать, чтобы подрядчики брали подешевле; но 33 купца, с которыми был торг о подряде на провиант в петербургские магазины, объявили пред Сенатом, что в провозе провианта происходят разные затруднения и убытки: тверской воевода Ивин поставил по реке Тверце капрала с солдатами и останавливает идущие с Волги и других рек суда, которых в лето пройдет около двух тысяч; капрал берет прикащиков и работников и отводит к воеводе, который кроме съестных и других припасов берет с идущих вверх с грузом по рублю, а с плывущих вниз порожних по полтине с судна, да капрал с солдатами и воеводскими людьми берут на себя по полтине и больше, а без того не пропускают. Подобное тому делает и ладожский воевода Чеблоков. По указам велено от Вышнего Волочка по Тверце, Волге и другим рекам, повеем берегам, по которым с бичевою ходят, не запахивать, а теперь во многих местах запахивают, тянуть судов не допускают, и притом бьют насмерть. По Волге, Оке и другим рекам суда находят на камни, карши и пески, для снятия с которых обыватели на берега не пускают, отчего суда получают повреждения, хлеб и прочие товары водою разносит, и обыватели тех мест, перенимая, развозят по своим дворам и от них скрывают, а оставшийся подмоклый хлеб и товары на берега для пересушки и поправки без знатной платы не пускают и бьют. В тех городах, откуда суда отпускают, покупают вино, на которое и ярлыки берут, для угощения работников и призываемых на помощь обывателей во время бедствия; но в городах осматривают барки и, где сыщут вино, начинают следствие и разоряют.

В Нижнем, Костроме и других городах останавливают суда для пересмотра работничьих паспортов и, пока офицерам, подьячим и караульным взятки не поднесут, бьют и суда держат долгое время. Указами коллегиям и губернаторам запрещено самовольно накладывать пошлины; а орловский магистрат грубым своим смыслом берет сверх указной пошлины по копейке с рубля с товаров, а с указных пошлин берет по копейке с рубля, будто на лекаря, берет с извозчиков, перевозящих провиант, по копейке с лошади. Извозщики, которые возят провиант на гжацкую пристань и в другие места, в дороге из кулей крадут муку и вместо нее кладут песок, золу и другие непотребности, а приемщики ставят это в вину поставщикам, поносят и убытчат их. Иногда, спеша исправною поставкою, наскоро нанимают подводки по ямам, где - особенно в Бронницах и на Крестцах - ямщики составляют заговоры и, возвышая чрезвычайно цену, раскладывают между собою по очереди; у очередных случаются лошади худые, а иногда в полях, и затем происходит замедление и передача напрасная деньгами, а других посторонних наниматься не допускают и бьют, а управители ямов, участвуя в этих взятках, суда не дают. Разных городов купцы, которые в Петербург на продажу хлеб судами привозят,

жаловались, что на реке Неве, у Невского монастыря, где определено стоять их баркам, монахи и служки собирают с каждой барки по копейке в сутки.

Началось дело по жалобе купца Арефьева, что в Тверской провинции секретарь Башилов на обывателей - помещиков, духовенство и купечество - делает нападки и в делах проволочку; весною при нагрузке барок для отвоза хлеба в Петербург отсылают собственный хлеб, отдавая муку ржаную весом в полосу пуда, а с купечества берет петербургскую высшую цену за девятипудовый куль и за провоз ничего не дает. Сенат решил дело в пользу Башилова, во-первых, потому, что купцы не должны были брать хлеб на суда, а между тем брали; потом когда Башилов отдал дело на веру (присягу), то челобитчики к присяге не явились и не сысканы. Следователь капитан Ильин стоял за челобитчиков и написал в донесении: "Хотя челобитчиков следовало привести к присяге, но Башилов объявил, что челобитчики при подписке были в бородах и в неуказном платье и чтоб к присяге допущены были без бород; он сделал это нарочно, не имея оправдания и зная, что челобитчики не сбреют бород и потому не явятся к присяге; но следствие производится не о бородах, а о взятках". Сенат заметил, что Ильин написал это неправильно, а Башилов сделал свое объявление правильно, ибо русское платье и бороды носить запрещено, и поэтому Ильин за необращение внимания на указы, как военный, должен отвечать пред Военною коллегиею. По другим многочисленным челобитьям на Башилова, Ильин везде обвинял его, а Сенат отверг все мнения Ильина и решил взыскать с него штрафа 500 рублей.

К этим неблагоприятным условиям для торговли в некоторых местах по-прежнему присоединялись магистратские беспорядки. Белгородское дело продолжалось, ибо Главный магистрат не хотел признавать себя побежденным и донес Сенату, что он принужден взять нового президента белгородского магистрата Андреева к ответу в непорядочных поступках. Но Сенат по тем или другим побуждениям не захотел посмотреть на это равнодушно и приказал: в Главный магистрат послать указ - велеть прислать в Сенат известие немедленно: определенный по достоинству белгородского купечества от правит. Сената президент Андреев в Главный магистрат к следствию по каким именно делам потребен? Ибо хотя из Гл. магистрата в доношении и объявлено, что Андреева нарочно посланному взять велено будто бы за непорядочные его поступки, а за какие именно, того не показано; белгородское же купечество объявляет, что Андреева в Глав. магистрат требуют по проискам Морозова с товарищи; Глав. магистрат имеет злобу на Андреева и на все белгородское купечество за наложение из-за них на Глав. магистрат штрафа Сенатом; кроме того, желает взятием Андреева прикрыть воровство Морозова с товарищи, именно чтоб Андреев не был при следствии и этим самым следствие остановилось бы; наконец, желает Андреева бездельно проволочить и от дел белгородского магистрата удалить; поэтому до рассмотрения дела в Сенате Андреева в Глав. магистрат не брать. В челобитии белгородских

купцов Сенату было показано также, что Морозов с товарищами как скоро вступили в управление, то теми купцами, которые доносили на них в похищении казенного интереса, всего до 60 человек, безо всякого суда разыскивали, иных публично плетями и батожьями наказывали, а некоторым и уши резали и вымучили дать Морозову векселя, а у иных, сбив от лавок замки, товары и деньги выбрали; просить в Глав. магистрате, зная там защиту Морозову и товарищам его, они не смеют, в белгородский магистрат челобитий их не принимают за тем, что нынешний президент Андреев на Морозова доносил в похищении интереса и, следовательно, не может быть беспристрастным судьей. Сенат велел это дело производить в белгородской губернской канцелярии с участием одного члена из белгородского магистрата, на которого от истцов и ответчиков не будет показано подозрения, и хотя купцы губернаторам и воеводам судом не подчинены, но теперь купцы сами просят, чтоб их дело производилось в губернской канцелярии.

Калужский купец Софрон Лобов бил также челом Сенату, что когда в настоящее царствование возобновлены были магистраты, то калужское купечество выбрало несколько персон в бургомистры, в том числе Осипа Шемякина, а других в ратманы, в том числе брата его, Софронова, родного Никиту да двоюродного Василия Лобовых; Шемякин, будучи в Москве, произыскав у Глав. магистрата кредит, без ведома мирского исходатайствовал себе новый чин президентский и как приехал из Москвы в Калугу и вступил в магистратское управление, то в надежде на Главный магистрат прочих членов и до дел не допускал, а делал немало время всякие дела один, и когда прочие члены о том с учтивостью стали ему предлагать, то Шемякин, озлясь, подал в Глав. магистрат несправедливое доношение и происками своими склонил Глав. магистрат, что без всякого следствия его товарищам разными штрафами нанес тягость несносную.

На западе сухопутная внешняя торговля терпела от польского безнарядья. Смоленский шляхтич Николай Потемкин, бывший на пограничной комиссии для разбора дел по долговым искам между русскими купцами и жидями, представил Сенату, что по затруднениям, которые испытывают русские купцы в Польше, и разорениям от своевольных поляков лучше вести с Польшею торг на границе по тому примеру, как он ведется с китайцами и зюнгарцами. Лучше шли дела на степном востоке: Неплюев писал, что он перевел торг из Орской крепости в Оренбург, и в 1746 году привезенного русскими купцами товара с объявленными для торгу деньгами было на 112000 рублей, а вымененного от азиатцев - на 67000.

С самого Дальнего Востока явился в Сенат иркутский купец Югов и от имени своих товарищей - Мальцова, Трапезникова и Соловьева - объявил, что в Камчатской экспедиции у Нижнего Камчатского устья и против Олюторского устья, близ Караганского острога в море, не в весьма дальнем расстоянии от берега, сысканы в 1741 году *пустовые* острова, а на них усмотрено множество разных зверей - песцы, бобры, лисицы; и приняли

они, Югов с товарищами, намерение на этих островах звериный промысл взять на себя с платежом в казну пошлины, а для промысла нужно иметь четыре мореходные судна, которые они построят на свой счет. Югова спросили: кем эти острова отысканы и почему он знает, какие на них звери водятся? Югов отвечал, что на этих островах Беринг был и чуть со всею командою не умер, а они, купцы, ходили на острова два раза на двух лодках компаниею и в разных партиях на каждой лодке по 18 человек, и получили в первый раз по 30 бобров на человека, а в другой раз - по 90, и продавали зверя хорошего от 40 до 50 рублей, а похуже - от 30 до 20. Сенаторы предложили, чтоб они платили половину добычи в казну; но Югов стоял за треть. Сенат решил доложить императрице с мнением, что следует отдать Югову с товарищами из третьей части.

Сенат представил императрице и другое мнение относительно мануфактурной промышленности: люди и крестьяне на фабриках положены в подушном семигривенном окладе, и этот оклад они должны платить из заработных денег; но заработная цена платится малая, только для пропитания, чтоб не возвысить цены сукнам при казенной поставке; следовательно, подушного оклада из нее платить нельзя, и работники за скудостью разбегутся. Фабриканты платить за них также не могут: казна платит за сукно по 58 копеек, а за каразеи - по 14 1/2 аршина, и от повышения цены на материал фабрики приходят в крайнее разорение. Третьяков за долги всего имения лишился; фабриканты поэтому не могут ничего прибавить к заработной плате, и если за сукно им прибавки не будет или мастеровые люди не будут освобождены от подушного оклада, то они принуждены будут фабрики закрыть. По мнению Сената, так как сукна и материалы долгое время в одной цене стоять не могут, то следует на сукна цену возвысить, чтоб из этой прибавки подушные деньги могли платиться бездоимочно; кроме того, с фабрикантов, поставляющих сукна в казну, не брать рекрут и лошадей. Для поддержания московской шляпной фабрики Черникова и Сафьяникова, поставлявших шляпы на армейские полки, запрещен вывоз из России за море бобрового пуху; запрещено во всей России, кроме их фабрики, делать пуховые шляпы; позволено делать только шерстяные шляпы; Черников и Сафьяников обязались выделывать на продажу ежегодно до 8000 пуховых шляп.

Разбои тогда только и затихали, когда государство употребляло значительные военные силы против них; когда же в описываемое время войска должны были стягиваться к западным границам, то о разбоях опять становится слышно; по Оке снова собираются шайки человек по сорока, выше и ниже Переяславля Рязанского. Из Перми пришло известие, что разбойники разбивают крестьян станицами в 40 человек; по Каме проехали воры в двух стругах; в другом месте показались воры конные и пешие человек с 50; в третьем месте - 25 человек; в четвертом - 56 человек с ружьями и штыками разбили строгановское село Рождественское и вовсе разорили; в пятом месте пришло с 30 человек, сожгли двоих крестьян и прочих жгли и грабили. По реке Сиве явились воровские партии человек до

80, жгли деревни и намеревались разграбить село Серапуль, обыватели в страхе покинули дома и скитаются по лесам; умножались также воры в Соликамском и Чердынском уездах. В городах не только некого послать для преследования, но и городов самих охранять нечем, если разбойники вздумают напасть на них, как уже и случилось с Кайгородком: 42 разбойника приплыли под него и разграбили денежную казну. Шайки получили вождей в старых опытных разбойниках: с казанского тюремного двора ушло 20 человек колодников, убийц, разбойников и беглых с каторги, подкопавшись под стену.

В некоторых местах крестьяне боролись с военными командами по наущению разбойников. Премьер-майор Веревкин и поручик Павлов донесли Сенату: посланы они были против крестьян Боровенского монастыря, воров и разбойников Моисея и Полуехта Никитиных с товарищами, забрали 79 человек и провели в Гжацкую пристань, да прежде взято 10 человек, прочие укрываются; захваченные крестьяне объявляют, что они командам троекратно сопротивлялись, посланных против них солдат били и ружья отбивали по приказу Никитиных, потому что в 1744 году была прислана команда для взятия их крестьян ко взысканию за держание беглых. По поводу забранных нужно еще забрать много, ибо в сопротивлении было более 700 человек; следствие скоро окончится не может, и вотчина может прийти в крайнее разорение. Сенат приказал возмущившихся крестьян разделить на три части: от 15 до 20 лет - бить батожем, от 20 до 40 - плетью, от 40 и выше, которые в службу негодны, пущих заводчиков - кнутом, а прочих - плетью и взыскать с них издержки командирования и за испорченные ими ружья.

С весною по рекам разъезжают разбойники; с весною в городах пожары и вслед за пожарами жалобы на полицию и магистраты. 27 апреля в Твери во время большого пожара воевода с товарищем и секретарь до конца находились безотлучно; обыватели и ямщики не помогали; тогда воевода собрал рекрут и потушил пожар с великой трудностью. Хотя определенный главною полициею в Тверь прапорщик Тархов полицмейстером и числился, только в Твери никогда не бывал, жил в деревнях своих, и хотя в отсутствие Тархова полицейское правление находилось в ведомстве магистрата, только никакого исполнения не было. Беда могла грозить не от одного пожара в городах: московская полиция доносила, что на Кожевном дворе, ниже Каменного моста, отвалились от стены городовые зубцы числом 12 и упали на обывательские дворы, причем задавили младенца до смерти да двух человек поранили; также по Кремлю, Китаю и Белому городу городовые стены и башни в немалой ветхости; у Яузских и Всесвятских ворот городовые стены упали, отчего учинились и смертные убийства; у Сретенских ворот башня первая в крайней опасности, Мясницкие ворота в немалую ветхость пришли, и проезжать в них опасно. Сенат приказал поручить починку означенных ветхостей коллежскому асессору Попову, который должен был находиться в ведомстве московской губернской канцелярии; производить работы он должен был

вольнонаемными людьми чтобы обошлось дешевле подрядного, если же нельзя вольнонаемными, то подрядами.

В столице полиция только тогда донесла об опасности, когда отваливающиеся от стен камни убили ребенка; тверской полицмейстер живет в деревнях своих, и воевода должен исполнять его обязанности; важно для области иметь деятельного воеводу, который в опасном случае не сошлется на разделение должностей, на самом деле не существующее. Умер в Туле воевода Маслов; разных чинов люди тульской провинции и помещики подали две челобитные; в одной, подписанной 23 человеками, просили назначить воеводой воеводского товарища Лопатина; в другой, подписанной 21 человеком, просили Ивана Маслова. Сенат отказал и назначил из представленных Герольдмейстерскою конторою кандидатов Квашнина-Самарина. Непристойные поступки воеводы в пьяном виде имели следствием удаление его от воеводской должности; но вообще смотрели на это не очень строго. Так, белевский воевода Шеншин, будучи в компании и напившись пьян, обижал словами дам, придирался к мужчинам, потом велел ударить в набат, встревожил всех жителей, по его приказанию схватили на улице подпоручика Возницына, жестоко избили, шпагу изломали и посадили в тюрьму. Императрица простила Шеншина и велела определить его к делам, к каким годен, кроме воеводства, и велела Сенату впредь такие самовольства воеводам запретить.

Относительно коллегий замечательно в описываемом году донесение прокурора Юстиц-коллегии, что в ней советниками Сабуров и Юшков, ассессорами Тарбеев и Извеков. Извеков определился в дворцовую контору и с того времени в Юстиц-коллегию не ездит, отговариваясь делами дворцовой конторы; Тарбеев по болезни не ездит; Юшков ездит чрезвычайно редко; остается Сабуров, который один спорных дел решить не может, и дела в коллегии остановились.

Духовная коллегия (Синод) продолжала жаловаться Сенату на притеснения новообращенным. Известный Ярцев доносил: Курмышского уезда новокрещенные чуваша бьют челом, что по указу императрицы Анны велено им для суда в малых делах выбрать между собою трех человек и судиться словесно, как производится суд между купцами в таможенных, и у них такие выборные старосты есть; но, несмотря на указы, всяких чинов люди делают им великие обиды и разорения, а курмышская канцелярия привлекает их судом и расправою между собою в ссорах, долгах и т. п. и держит их под караулом, отчего им убыток; а они не только приказных порядков не знают, но и по-русски говорить не умеют; теперь они желают для лучшего своего охранения и в малых делах разбора разбираться у курмышского посадского бургомистра Брюханова, потому что он человек добросовестный, богобоязненный и всегда их по бедности награждает, ссужает всякою ссудою и чувашский язык знает довольно. Сенат приказал: исполнять указы, а о том, на что имеются точные указы, утруждать Сенат весьма не надлежало; о обидах же произвести следствие.

Были и старокрещенные народцы, на которых светское правительство указывало Синоду как на полудиких, требующих снисхождения относительно требований христианской нравственности. Воронежская консистория потребовала к следствию сына донского атамана Данилы Ефремова старшину Степана Ефремова и других незаконно женившихся людей. Военная коллегия донесла по этому случаю Сенату, что люди Донского войска не похожи на внутренних регулярных народов, весьма не обычны к правам и регулам, но больше застарелого простого обхождения и обычаев; а так как правит. Синод требует отсылки в архиерейскую консисторию атаманского сына, который там между другими знатными старшиною, то Военная коллегия сама собою сомневается так строго поступить.

Из дел по церковным отношениям замечательны были в этом году два следующие. Медицинская канцелярия донесла Сенату, что в московском госпитале Экономическая синодская канцелярия не делает никаких починок, отчего больные претерпевают великое беспокойство, в пользовании больных остановка и невозможность, и больных принимать нельзя, потому что в палатах, где лежат больные, и в ученических бурсах окончины и печи очень ветхи, топить их опасно; также и строение, где живут служители, очень ветхо; иное и попадало, а в ином зимою жить нельзя. Синод отписывался, что его Экономическая канцелярия не обязана делать починки в госпитале: указа для этого нет; хотя по указу Петра Великого госпиталь построен из сборов Монастырского приказа, но, чтоб его чинить из сборов того же приказа, не изображено, а в табели 1710 года не написано, а положено в той табели только жалованье доктору с товарищи и на покупку лекарств 3797 рублей, что из доходов Экономической канцелярии и производится.

Учреждены вновь три епархии: Московская, Переяславская, Костромская, и еще назначено быть Владимирской и Тамбовской; на содержание архиереев и домов их отданы монастыри: московскому Чудов, переяславскому Горицкий, костромскому Ипатский, и потому доходы с этих монастырей, платившиеся в Экономическую канцелярию, выбыли; на починку ветхостей в архиерейских домах, соборных церквях, монастырях Экономическая канцелярия определила не только на настоящие 1744, 45 и 46 годы, но за неимением такой большой суммы и на будущие 47, 48, 49 и 50 годы более 30000 рублей, и еще Экономическая канцелярия представляет о крайних ветхостях во многих монастырях, а на исправление их по сметам архитекторским потребно более 60000 рублей; итак, починки госпиталя из доходов синодальных исправлять никак не следует, а имеется на содержание госпиталей собственная, с вечных памятей собираемая в Военную коллегию сумма, и требует св. Синод, чтобы госпитальную починку и постройку производить из этих лазаретных денег. Но Сенат приказал в св. Синод сообщить ведение, что госпиталь исправить надобно непременно из доходов Экономической канцелярии в непродолжительном времени, чтобы больным от стужи не помереть, ибо если уже госпиталь

строен на деньги Монастырского приказа и содержится на деньги Экономической канцелярии, то и чинить его надобно из тех же доходов.

Мы знакомы уже с вятским епископом Варлаамом, который вышел невредим из дела по столкновению своему с воеводою и возвратился в свою епархию. Но по поводу этого возвращения Сенат снова должен был услышать о Варлааме. Пыскорского монастыря стряпчий Карпов объявил, что в монастыре было денег, собранных с мельниц, 1030 рублей. Епископ Варлаам наложил на Пыскорский монастырь 600 рублей для вознаграждения за употребленные им в Петербурге и Москве расходы и путевые издержки; но так как подобных платежей никогда не бывало, то монастырь денег не отпустил, за что архимандрит взят был в Вятку и отпущен только по указу из Соляной конторы, ибо монастырь владел солеварнями, находившимися в ведении Соляной конторы. Так как для управления соляными монастырскими промыслами назначено было особое комиссарство, то архимандрит отослал туда же и мельничные деньги вместе с приходными книгами; за это консистория наложила на архимандрита штраф в 50 рублей, велела потребовать книги из комиссарства обратно и запретила впредь отправлять туда деньги и книги. Епископ Варлаам приехал в монастырь, денег и штрафа спрашивал, и хотя ему поднесено было в почесть 200 рублей, да пушным товаром и прочими вещами 40 рублей, да бывшим при нем духовным и светским лицам 106 рублей, только он мельничные деньги и штраф взыскивал, угрожая жестоким наказанием, и из оставшихся от расхода мельничных денег 477 рублей забрал себе, причем бил казначея плетьюми так жестоко, что тот лежал без памяти; архимандрит дал архиерею своих и заемных еще 50 рублей.

Внутреннее состояние России, особенно состояние финансов, представляло явления, которые могли дать повод иностранным посланникам толковать о слабости этой державы. В самом начале года Дальон писал Даржансону, что Россия слаба, что королю прусскому нечего ее бояться. Но любопытен ответ Даржансона. "Фридрих II другого мнения, - пишет министр, - потому что больше чем когда-либо боится поспорить с Россией и навязать на свою шею силы этой державы. В 1733 году Россию также представляли бессильною, стараясь побудить нашего короля к доставлению польского престола тестю своему Лещинскому; но потом оказалось, сколько Россия могла сделать в Польше и Германии, доведя войска свои до самого Рейна; и в скором времени та же самая держава взяла такой верх над турками, что если бы венский двор умел держать себя только в оборонительном положении, то турки в одну кампанию могли бы потерять все свои европейские владения".

Даржансон недаром пророчил о новом походе русского войска к Рейну. Успехи французов в австрийских Нидерландах и опасность, какую грозили эти успехи голландцам, заставили морские державы снова попытаться, нельзя ли склонить Россию на более сходных для них условиях дать им

свое войско, причем выставлялось, что это будет единственным средством ускорить всеобщее замирение Европы. В самом конце 1746 года возобновились переговоры о "*перепущении*" русского войска для морских держав. 8 декабря лорд Гиндфорд подал об этом промеморию; 22 декабря дан ему ответ с согласием на перепущение войск и с объявлением условий, относительно которых Гиндфорд отвечал, что дорого просят. Тогда 29 декабря в Зимний ее величества дом перед полуднем приглашены были для совещания генерал-фельдмаршал Леси, канцлер Бестужев, вице-канцлер Воронцов и член коллегии Иностранных дел тайный советник Веселовский. В это заседание выслушаны были только относящиеся к делу бумаги, после чего во втором часу разошлись; а после обеда, в 6-м часу, собрались опять, уже впятером, потому что по воле императрицы явился генерал кригс-комиссар Апраксин, для которого снова прочитаны были все бумаги; после рассуждения составили проект конвенции. Тридцать тысяч русского войска, по мнению фельдмаршала Леси, должны были действовать на Рейне вместе с союзниками. Идти они должны были от Курляндии чрез Литву и Польшу на Краков в Силезию по маршруту, данному австрийским посланником бароном Бретлаком, одною дорогою, разделяясь на три колонны. Проход чрез Польшу в 162 мили, полагая на третий день роздых, продолжится не меньше трех месяцев; на содержание корпуса против внутренних цен надобно положить вдвое, и потому выйдет на три месяца 145525 рублей 83 коп.; надобно, следовательно, требовать у английского двора уплаты наперед 150000 ефимков наличными деньгами, чтоб для приготовления провизии и фуража в Литву и Польшу прежде вступления туда войск могли быть отправлены нарочные комиссары; а если эта сумма английскому двору покажется велика, то пусть пришлет своих комиссаров, которые будут заготовлять и выдавать войску провизию и фураж. В землях римской императрицы продовольствие войскам должно быть приготовлено также от английского двора или от римской императрицы, по их соглашению. Войска отпускаются на два года, считая с выступления их за границу, если мир будет заключен до этого срока, то войска отпустятся ранее назад, в Россию; если же нужно будет удержать их долее срока, то об этом дастся знать за полгода до истечения двух лет для новых соглашений. Если английский двор не примет войска на этих условиях, то императрица соглашается содержать на лифляндских границах от 80000 до 90000 регулярного войска во все время продолжения настоящей войны и 50 галер в Курляндии с 12000 войска за полмиллиона голландских ефимков. Начальником корпуса назначен был генерал-фельдцейгмейстер князь Василий Репнин, для которого фельдмаршал Леси написал инструкцию.

Между тем прошло два месяца - январь и февраль 1747 года, и 12 марта Гиндфорд прислал промеморию, что после подания им первой промемории (8 декабря) пропущено несколько недель понапрасну, что войско не может выступить в поход заблаговременно и может быть употреблено только на половину кампании; кроме того, данные парламентом королю деньги на субсидии текущего года по большей части уже издержаны на наем войска в

других ближайших местах, и потому король желает заключить другую конвенцию, а именно чтобы Россия обязалась в течение 1747 года держать тридцатитысячный корпус войска на курляндских и лифляндских границах, 12000 в Курляндии и 18000 на лифляндских и литовских границах, сверх того 60 галер в курляндских портах, чтобы все это готово было действовать по первому требованию английского короля, который обязывается на этот год одновременно заплатить 100000 фунтов стерлингов, как скоро ратификации будут разменены. Если же войска действительно должны будут выступать в поход, то о содержании их должно быть дальнейшее соглашение.

Канцлер переслал промеморию и проект конвенции в коллегия на рассмотрение, давая знать, что императрица вообще согласна на конвенцию, но что по его, канцлерову, мнению согласиться на содержание войска в Курляндии нельзя, а надобно выразиться так, что войско пробудет там до тех пор, пока будет возможно, ибо со стороны поляков могут быть сильные крики. Члены коллегии Воронцов, Юрьев и Веселовский подали мнение, что в английском проекте очень темно сказано, "чтоб по первому требованию короля войско и галеры готовы были действовать". Необходимо знать, одним ли русским войскам действовать или вместе с союзниками и под каким именем, вспомогательных войск или данных за 100000 фунтов, также в каком месте должны действовать, а без точного знания всех этих обстоятельств глухо обязываться на письме кажется непристойно. Также и то надобно выговорить в конвенции, что если будет заключен мир между Франциею и Англиею, то деньги все же должны быть заплачены и войска с галерами не были бы понапрасну продержаны целый год. Недолжно обязываться держать войска и галеры в Курляндии, не имея права держать войска в чужой земле: и так уже поданы курляндцами горькие жалобы по поводу введения только трех полков. Наконец, надобно постановить, что в случае нападения на Россию с какой бы то ни было стороны можно было взять эти 30000 войска и галеры.

Тогда Бестужев подал свое "слабейшее мнение, которым он по поводу вице-канцлерова и обоих тайных советников мнения ее императ. величество поневоле утруждать принужден". "Вице-канцлер и тайные советники не приметили, - говорит Бестужев, - что в проекте ясно сказано: если войску понадобится выступить в поход нынешним годом, то о содержании его должно быть дальнейшее соглашение, прямо поэтому следует, что войска прежде в поход не выступят, пока не будут определены условия, как их содержать. Вице-канцлер и тайные советники хотят постановлять, чтобы деньги были заплачены, если бы даже и мир был заключен; но в проекте прямо сказано, что деньги выплачиваются немедленно после ратификации, и потому, что хотя бы мир заключен был по прошествии одного или двух дней по размене конвенции, деньги были бы выданы. Если же они думают, что хотя бы мир был заключен во время переговоров о конвенции, однако 100000 фунтов должны быть заплачены за одно сочинение контрпроекта, то английский двор не был бы так прост,

чтоб стал давать деньги даром, а между тем утвердился бы в своем мнении, что здесь никакого дела к концу приводить не хотят. Если из уважения к королю прусскому войска от границ совершенно отвести и ему невозбранный путь в Лифляндию очистить, то это будет несогласно с интересами вашего императ. величества; чтоб не вносить в конвенцию о содержании войск в Курляндии - это было мое мнение. Но если принимать в уважение горькие жалобы курляндцев, то русским войскам никогда из своих границ трогаться нельзя будет; Петр Великий, невзирая на все их прошения и жалобы, не только войска свои там содержал, но и шведам сражения давал.

Что же касается до совета выговорить, чтоб в случае нападения на империю эти 30000 войска могли быть отведены от границ, то это противно прежнему решению, объявленному Англии, что ваше величество соглашаетесь содержать на границах от 80000 до 90000 войска во все продолжение войны, а тепер английский двор за 30000 войска предлагает почти такую же сумму, какую согласились взять за 90000. Разве вице-канцлер и тайные советники предварительно уверены в праводушии и миролюбивых чувствах короля прусского, что он русские области всегда в покое оставит? Хотя бы ваше величество со Швециею, Турциею или Персиею в войне были, то, по моему слабому мнению, необходимо до того времени, пока у короля прусского не будет миролюбивого преемника, иметь на лифляндских границах до 30000 войска, дабы в случае какого замысла со стороны Пруссии хотя первое нападение выдержать". 29 марта Гиндфорду было объявлено, что императрица согласна на новую конвенцию с одним условием, чтоб в случае польских криков войска могли быть отодвинуты из Курляндии в Лифляндию. Английский двор принял это изменение, и 12 июня последовала ратификация.

24 августа Гиндфорд вручил канцлеру новую промеморию, в которой предлагалось отдать тридцатитысячный корпус русской пехоты на жалованье морским державам, обеим вместе или одной из них отдельно, для употребления на Рейне или в Нидерландах, с тем чтобы прежняя конвенция 12 июня оставалась ненарушимой, т. е. чтобы 30000 войска находились по-прежнему на лифляндских границах. Затем 12 сентября Гиндфорд объявил, что он получил от своего двора приказание договариваться непременно вместе с голландским резидентом Шварцом, ибо войска должны быть даны Англии и Голландии вместе. Императрица велела отвечать, что согласна на это, но с условием, чтоб отправленный корпус всегда действовал нераздельно, и если одна из держав захочет отстать, то другая исполняет все обязательства, именно выплачивает в год по 300000 фунтов, всегда за 4 месяца вперед наличными деньгами; кроме того, морские державы обязаны выдать тотчас по размене ратификаций в Риге наличными деньгами 150000 голландских ефимков для содержания войска во время прохода его чрез Польшу; а когда корпус дойдет до границ Верхней Силезии, тогда морские державы возьмут его на свое содержание, будут доставлять припасы натурою на пищу людям и лошадям, именно

каждому солдату ежедневно по два фунта хлеба, по фунту мяса или в постный день рыбы, по 1/4 фунта круп, на каждый месяц по два фунта соли, а на каждую лошадь в день по 6 2/3 фунта овса или по 16 2/3 фунта сена; кроме того, квартиры на зиму и дрова должны быть доставлены безденежно.

Морские державы приняли эти условия, и 4 декабря Военной коллегии дан был секретный указ, что для поддержания европейского равновесия и ускорения мира Россия посылает морским державам тридцатитысячный корпус для действия на Рейне, Мозеле или в Нидерландах; этот корпус должен состояться из полков, находящихся в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии, и должен выступить в поход в последних числах января будущего 1748 года под главным начальством генерал-фельдцейхмейстера князя Репнина. Так как нынешние обстоятельства европейских дел необходимо требуют, чтоб по вступлении в поход означенного корпуса на лифляндских границах и в Курляндии наших войск оставалось не меньше, как прежде было, но по возможности и более, то на место отправляемых перевести столько же из находящихся при С. - Петербурге и около его полков и новоучрежденных батальонов, также из Выборга, а в Выборге дополнить новоучрежденными батальонами; к находящейся в Пскове тысячной команде прибавить еще к лифляндским границам 3000 донских козаков да из слободских и малороссийских по тысяче самых исправных.

Какое важное значение придавали в Англии этому договору морских держав с Россиею, видно из следующих слов в письме английского посланника в Константинополе Портера к лорду Гиндфорду: "Я должен начать поздравлением с успехом в важном деле отправления русских войск. Этот шаг спасает все и принуждает неприятеля к уступчивости; вашему превосходительству будет принадлежать бессмертная честь за обращение весов войны или мира в нашу пользу".

Легко понять, как в Вене дорожили утвердившимися дружескими отношениями к России. В феврале посол Марии Терезии барон Бретлак подал грамоту, в которой его императрица писала к своей "многолюбезной приятельнице и сестре", что хочет распространить драгоценную дружбу Елисаветы и на свое потомство, а так как время к разрешению ее от бремени приближается, то она просит русскую императрицу быть восприемницею имеющего родиться ребенка. Родился эрцгерцог и назван Петром (Петр Леопольд Иосиф).

У Австрии по-прежнему не ладилось с Саксониею, а Саксония становилась очень нужна союзникам. 18 декабря Мих. Петр. Бестужев-Рюмин объявил графу Брюлю в крайней конфиденции о заключении морскими державами конвенции, в силу которой им посылается тридцатитысячный корпус русского войска; этот корпус в январе будущего года вступит в поход чрез Литву и Польшу. О пропуске его морские державы будут просить позволения; и в свою очередь императрица надеется, что так как

русские войска отправляются для общего блага всей Европы и для скорейшего прекращения настоящей войны, то король проходу этих войск не только побудет противен, но еще будет содействовать успеху требования морских державу Речи Посполитой, несмотря на домогательства французского двора о непропуске их; императрица надеется, что король предпочтет русский, венский и лондонский дворы французскому. Брюль отвечал, что король для оказания императрице особенного внимания и дружбы сделает все, что от него зависит и сколько пристойно и возможно, чтоб не подать полякам на себя подозрения. Бестужев писал, что французский посол в Дрездене употребляет все способы для воспрепятствия пропуску русского войска, а резидент французский в Польше Кастера интригует там с тою же целью. На просьбу английского посланника о пропуске войска король отвечал, что без согласия всей Речи Посполитой он ничего сделать не может. Чтобы получить согласие Речи Посполитой, надобно было получить согласие значительнейших вельмож. Вице-канцлер коронный с жаром отвечал Бестужеву, что от прохода русских войск беспорядки и убыток будут жителям, как случилось и во время прохода из-под Хотина. Бестужев возражал, что во время хотинского похода беспорядки были от нерегулярных войск, но и за то жители получили вознаграждение, а теперь нерегулярных войск не будет. Вице-канцлер говорил, что не все потерпевшие получили удовлетворение; Бестужев повторял, что назначенные в нынешний поход войска все будут покупать на чистые деньги и будет за ними строгий надзор, чтоб не позволяли себе никакого насилия. Граф Брюль, бывший при этом разговоре, сказал со смехом, что желал бы иметь теперь деревни в Польше, потому что от похода русских войск получил бы большие деньги. Наедине Бестужеву Брюль говорил, что поляки по своему обычаю поднимут большой крик и шум против похода, но покричат да и перестанут; опасно одно, чтоб не устроили конфедерации по французским и прусским наущениям.

В Польше по-прежнему тянулось бесконечное дело о притеснениях православных католиками и униатами, дело чрезвычайно трудное, как видно из донесений русского резидента в Варшаве Голембовского. На последнем сейме было постановлено составить комиссию, на которой должно было выслушать все жалобы православных и удовлетворить им. Бестужев и Голембовский думали, что они сделали все для православных, и вдруг узнают, что православные вовсе не довольны комиссиею и вовсе не готовы явиться на нее. Голембовский в сильном раздражении писал императрице жалобу на белорусского епископа Волчанского, который будто бы выставляет разные неосновательные затруднения, стараясь уклониться от комиссии, а слуцкий архимандрит Оранский пишет, что другие игумены не дают ему никакого ответа на его внушения и не хотят быть послушны указам киевского митрополита. Таким образом, писал Голембовский, можно понять, какую они все оказывают охоту явиться в комиссию с теми жалобами, которыми они беспрестанно утруждали ваше величество и о которых королю и министрам так много внушено; однако

без этого они не могут получить никакого удовлетворения и привести свои дела в лучшее состояние. Громадная переписка посла Бестужева и моя свидетельствуют ясно, что с нашей стороны все сделано; теперь они сами должны приняться за дело, и я очень боюсь, что если они в назначенный срок не явятся на комиссию со своими жалобами и доказательствами, то магнаты, которые нарочно приедут издалека в Варшаву для комиссии, рассердятся и отложат комиссию в дальний ящик или совсем оставят, объявив все жалобы и претензии православных ложными, мало того, неявишихся, как непослушных подданных, приговорят к какому-нибудь штрафу; тогда уже мы с послом лишимся всякой возможности в чем-нибудь помочь им.

Но выслушаем и другую сторону, что нам легко сделать, ибо Голембовский переслал в Петербург письма епископа могилевского. "Вы меня спрашиваете, - пишет епископ, - приготовлен ли к предстоящей комиссии список обидам и озлоблениям, также имели ли мы с архимандритом слуцким и другими начальными людьми монастырей и братств совет и соглашение насчет приготовления доказательств, основанных на правах и конституциях, и уполномоченные на комиссии в состоянии ли вести порученные им дела? На это как прежде отвечал, так и теперь отвечаю: 1) что я во всей моей епархии не имею ни одного способного к тому человека, потому что кто и где мог научиться правам? Ни в Польше, ни в Литве никого из наших ни в школы, ни в канцелярии не пускают; а католик хотя бы и мог за это взяться, но боится отлучения от церкви, как я уже несколько раз пробовал; у нас даже нет человека, который бы мог искусно написать позыв к суду и полномочие. 2) Звать к суду трудно, потому что в Польше крестьяне не могут жаловаться на своих господ, равно как духовные на землевладельцев, в имениях которых находятся их церкви. В позывах надобно точно показать, от кого именно какие были обиды, а когда помещик прочтет такие позывы, то попа и холопа прежде комиссии велит повесить или убить. В Польше что жбан, то пан, шляхтич на загороде равен воеводе и одним правом с ним судится; а магнаты здешние всегда вольное право над своими подданными имеют, не так, как в абсолютных государствах, в которых господину и крестьянину одинакая справедливость. Они не очень испугались универсала, выданного из королевской комиссии, и какие делали прежде, такие и теперь продолжают делать обиды, церкви на унию отнимают, священников бьют, вяжут и обидают.

Например, если послать позывы к князю воеводе русскому за насильное отнятие на унию церквей в графстве Шкловском, а к Сапеге за отнятие церквей в графстве Домбровенском, то, значит, обоих этих знатных магнатов прежде озлобить, а потом у них же на других справедливости просить, ибо они оба в комиссию судьями определены? Также надобно будет позвать в суд князя подканцлера литовского, Огинского, воеводу витебского, Соллогуба, воеводу бржеского, и Сапегу, воеводу подляшского, с которыми так же трудно тягаться, как трудно защитить

себя от громовой стрелы. Не только ни одно духовное лицо не может явиться в комиссию со своими жалобами, но и ко мне являться с жалобами им запрещают; духовенство боится бывать у меня и со своими церковными нуждами; а которые прежде письменно доносили мне о своих обидах, то теперь очень об этом жалеют, боясь за свое здоровье и жизнь, видя пример священника расенского Цитовича, который для сохранения жизни оставил церковь, дом, жену и детей, ушел в Могилев, скитается здесь теперь и для спасения от смерти собирается уйти за границу. Огинский, надворный маршалок литовский, в нынешний проезд свой в Вильну для открытия трибунала заехал в Борисов, где приказал всем обывателям стать пред собою, склонял их к унии и наконец приказал борисовскому своему подстаросте, что если кто подаст мне жалобу на религиозное гонение, то для таких челобитчиков поставить колья и виселицы, причем запретил починку церкви и колокольной, венчание, крещение младенцев и прочие обряды. Сам он министр государственный и все права знает, однако ж поступает против них. Таким образом, и другие, когда будут раздражены нынешними позывами, еще больше озлятся и нашу религию в своих местностях совсем искоренят. Комиссия на время, а господин всегда господином останется".

Оранский, архимандрит слуцкий, писал то же самое: "Перо выпадает из рук, ибо не знаю, что написать вам насчет людей, искусных в правах. И сам Диоген со свечою такого человека между нашими духовными не сыщет, ибо между ними большая часть таких, которые только имя свое подписать умеют. В последнюю бытность мою в Варшаве мнение графа Бестужева было, чтоб об этом представить высшей команде и просить сыскать двоих пленипотентов, совершенно искусных в правах польских, и заключить с ними контракт. Поэтому прошу вас повторить вышней команде прошение об этих двоих пленипотентах, иначе никакого успеха от комиссии ожидать нельзя".

Голембовский написал Огинскому с выговором за его поступок, обозначенный в письме Волчанского, причем напоминал ему о благодарности, которою он обязан за милости императрицы. Огинский отвечал ему наглым письмом: "На ваши выговоры я отвечаю умеренно и без оскорбления вашей особы, с выражением, однако, удивления, что вы, будучи уже совершеннолетним, дали себя обмануть баснями Волчанского, который забавляется донесениями о таких делах, каких никогда не бывало, с явным намерением нарушить мир, господствующий между обоими государствами. Увлечшись излишнею доверчивостью, вы заносчивым слогом упрекаете меня в неблагодарности и других качествах, от которых я далек по природе моей. Пусть эта ложь останется при том, кто ей верит и кто ее выдумал. Я питаю всякую благодарность к пресветлейшей государыне, подданных своих имею право наказывать и страшать как хочу и в этом ни у кого спрашиваться не обязан; дело же веры принадлежит одному богу, который сам просвещает совесть. Соизвольте предпочесть мою правду пустым донесениям".

Вместо того чтобы рассердиться на Огинского, который позволил себе отделаться одною наглостью, не привел ни одного доказательства в свою пользу и подтвердил только показание Волчанского словами: "Подданных своих имею право наказывать и стращать как хочу и в этом ни у кого спрашиваться не обязан", - вместо того чтобы рассердиться на Огинского, Голембовский рассердился на Волчанского и жаловался на православных духовных, что они "преждевременными и часто весьма неосновательными жалобами сами возбуждают ненависть к себе, а нам причиняют беспокойство, нас из-за них обвиняют в легковерии". С такими жалобами Голембовский обращался в Петербург и в своих сношениях с западнорусским духовенством не скрывал своего неудовольствия на него. Тогда епископ Волчанский обратился в Синод с жалобой на резидента как на неверного слугу государыни; Синод принял сторону епископа, и резидент получил предписание не беспокоить более духовенства своими наставлениями, не вмешиваться в его дела, разве оно само потребует его помощи. Дело о комиссии кончилось по желанию духовенства: из Дрездена пришел приказ королевский, что комиссия откладывается до приезда самого Августа III в Варшаву. Понятно, что православные могли получить удовлетворение не от какой-нибудь польской комиссии, а только от русского комиссара, каким был Рудаковский, присланный отцом Елисаветы. Но теперь обстоятельства были не те: хотели противодействовать прусскому влиянию в Польше, хотели провести чрез ее земли войска и потому не хотели ссориться с поляками.

В Берлине ничего не выиграли от удаления Чернышева, ибо его место занял вызванный из Франкфурта Кейзерлинг, известный враг франко-прусской политики. От 7 февраля Кейзерлинг известил свой двор об аудиенции, которую он имел у Фридриха II в Потсдаме. Кейзерлинг начал тем, что истинное намерение императрицы - ненарушимо сохранять дружбу между обоими дворами и усиливать ее, для чего он, Кейзерлинг, и прислан. Король отвечал, что и он ничего так не желает, как еще больше затянуть этот узел дружбы, признавая драгоценность последней. Кейзерлинга пригласили к столу, оставили ночевать в Потсдаме и на другой день опять пригласили к столу. На место Мардефельда в Петербург отправлен был министром граф Финкенштейн, о котором Кейзерлинг прислал не очень лестные отзывы как о мастере подольщаться и всякого привлекать на свою сторону, интригане, человеке лживом, необразованном и небольшого ума и потому употребляющем мелкие средства.

И в Петербурге мало выигрывали от смены Мардефельда Финкенштейном. Первым делом нового посланника было сблизиться с Воронцовым, которого в депешах своих он обыкновенно называет "важным приятелем". От 3 июля он писал королю: "Я нахожу здесь дела в самом неполезном состоянии для интересов вашего величества. Канцлер остается все тот же относительно вашего величества; но хуже всего то, что он теперь сильнее и пользуется большим против прежнего доверием императрицы. Он так хорошо воспользовался всеми обстоятельствами, случившимися по отъезде

барона Мардефельда, что неприятелям его ничего другого не остается делать, как держать себя в оборонительном положении и ожидать лучших времен. Подкуп канцлера кажется мне делом очень трудным, даже невозможным, ибо при его пламенном усердии к делу союзных дворов можно было бы только подать ему этим новое оружие в руки, которое он стал бы употреблять против вашего величества. По моему убеждению, я должен вести себя так, чтоб не подать ему ни малейшего повода ко мне привязаться; я должен оказывать ему уважение, притворствоваться и не возбуждать ни малейшего подозрения, что я нахожусь в каких-либо сношениях с его врагами, а между тем под рукою входить с ними в соглашения, каким бы образом предупредить и отвращать удары, которых от него всегда должно опасаться, и с терпением ожидать, пока фортуна утомится служением злодею".

Вскоре затем Финкенштейн доносил, что дружба между "важным и смелым приятелями" (Воронцовым и Лестоком) неизменно очень велика; они нашли способ приклонить на свою сторону тайного советника Веселовского, самого умного человека в России и знающего тайны канцлера. Смелому приятелю Лестоку Финкенштейн дал денег, и тот просил обнадеежить короля в его усердии.

В августе важный приятель рассказал Финкенштейну, что канцлер со своею шайкою обвиняет его, Воронцова, будто бы он все тайны открывает прусскому королю; чтоб дать большую силу этому обвинению, они несколько смягчают его, внушая, что вице-канцлер - человек честный и предан интересам государыни, но не умеет хранить тайны и, питая любовь к Фридриху II, иногда с самыми добрыми намерениями открывает такие дела, которые могут иметь важные последствия. Воронцов открыл также Финкенштейну, что последнее пребывание его в Петергофе дало ему возможность разговаривать о многих важных предметах с императрицею и открыть ей глаза относительно множества вещей, от чего она пришла в большое удивление; он указал ей на самовластие канцлера, который в коллегии один сам собою дела отправляет, не давая знать об них ни вице-канцлеру, ни другим членам. Он предложил императрице и способ сократить чрезмерную власть первого министра, именно дать ему указ все дела производить чрез коллегию и ни о чем не докладывать прежде, чем дело будет известно всем, кому об нем знать надлежит. Письменное мнение об этом Воронцова Елисавета оставила у себя, сказавши, что просмотрит его. В благодарность за такую откровенность Финкенштейн сообщил важному приятелю известие, что канцлеру приписывается обширный замысел, касающийся ниспровержения наследственного порядка в России и восстановления принца Иоанна на место великого князя Петра Федоровича. Воронцов заметил на это, что канцлер в состоянии все предпринять.

Воронцов внушал Финкенштейну, чтоб тот был осторожнее в своих донесениях королю, потому что депеши его в цифрах могут перехватить,

ибо для этого не жалеют труда. Финкенштейн сначала приписывал эти внушения трусливости вице-канцлера, но приведен был в крайнее изумление, когда тот рассказал ему содержание одной его депеши. Когда узнали об отправлении тридцатитысячного корпуса к Рейну, то Финкенштейн стал внушать Воронцову, нельзя ли склонить кого-нибудь из духовенства представить императрице с религиозной точки зрения непозволительность этой меры. Но Финкенштейн имел мало надежды на успех, ибо, писал он, канцлер держит большую часть духовенства в своих руках, так что оно чрез него обыкновенно делает свои внушения. Финкенштейн сообщил королю, что Воронцов подал мнение против похода на Рейн, но императрица не обратила на него внимания.

Фридрих II, обеспокоенный этою решительностью петербургского двора принять участие в войне, боялся, что может оказаться такая же энергия и относительно Швеции, и дал знать Финкенштейну, что это было бы противно интересам Пруссии.

В начале января шведский король объявил Корфу, что французская партия, по его мнению, не успеет провести прусского союза; если же она будет на это настаивать, то он никак не согласится и велит внести в протокол свой протест с подробным изложением причин, заставляющих его так действовать, и с указанием на присягу свою, которою он обязался пред государством. Король при этом высказал свое неудовольствие на слабость действий патриотической партии на сейме, что подвергло его самого опасности и заставило назначить сенаторами людей, ему неприятных, которые в тайном комитете предлагали потребовать у него отречения от короны за умеренную пенсию. "Прошу обнадежить императрицу, - заключил король, - что я никогда не отступлю от главного моего принципа - утвердить доброе согласие между обоими государствами". Корф заметил, что при настоящем положении дел императрица не может ожидать добра от большинства голосов в Сенате. Король отвечал, что на будущее время по русским делам будет подавать свой голос не иначе как письменно: это должно сдерживать злые намерения большинства, которое подвергнется ответственности на сеймах. Корф нашел в наружности короля большую перемену к худшему и дал знать своему двору, что печаль от несчастного сенаторского избрания может иметь опасные следствия для здоровья короля.

Тайный комитет, не опасаясь теперь никакого противодействия со стороны Сената, вознамерился было дать инструкцию шведскому послу в Петербурге графу Барку, чтоб он ревностно защищал Тессина и переменил к нему отношения петербургского двора; если же это не удастся, то французская партия надеялась выиграть в том, что неприятный ей Барк возбудил бы этим против себя нерасположение императрицы. Но это намерение было оставлено, когда из Берлина пришли известия, что в России делаются сильные вооружения, не могущие иметь никакой другой цели, кроме войны шведской. Тогда решили, чтоб король написал грамоту

императрице, выставил бы все свои старания о поддержании дружбы, но если вместо нее обнаруживается холодность между двумя дворами, то виноват барон Корф, который вовсе поступает не так, как следовало бы поступать министру тесно союзного двора, а именно: не так часто бывает при дворе, как другие иностранные министры; о чем поговорит с королем, сейчас расскажет мещанам; подает мемориалы свои королю не чрез министерство, а чрез других особ; в этой же грамоте король должен был оправдать Тессина. Это подало повод в Сенате к жестокому спору между членами русской и французской партий. Король сказал, что он отечески советует Сенату не подавать русской императрице повода к жалобе на Швецию, прекратить торговлю хлебом, льном, пенькою, удержать субсидии - одним словом, предоставить Швецию ее судьбе. Но французское большинство объявило, что если король откажется подписать грамоту, то по уставам может подписать и кронпринц. Тогда король отвечал, что подпишет, слагая ответственность на Сенат.

Корф, объясняя свое поведение по поводу этой грамоты, писал императрице, что при королевском дворе он бывает часто, при дворе кронпринца реже, потому что там не обращают на него должного внимания, приглашают к столу, когда никто не приглашен из знатных, тогда как король всегда приглашает вместе двоих или троих сенаторов; вечером при дворе кронпринца все садятся играть в карты, а русский посланник должен разговаривать с каким-нибудь прапорщиком или поручиком. На придворных балах кронпринцесса до тех пор не танцует, пока Корф не отойдет прочь, чтобы только не танцевать с ним.

7 февраля собрался секретный комитет в чрезвычайном множестве членов, и бургомистр небольшого городка Эрегрунда Боберг потребовал, чтоб арестован был купец Спрингер за то, что во время сейма часто ходит в дом русского посланника, следовательно, замышляет что-нибудь опасное. Предложение это подало повод к жестоким и продолжительным спорам; но члены французской партии заперли двери и приступили к подаче голосов, рассчитывая на успех при своем большинстве, а между тем духовные встали и удалились с протестом. Когда большинством голосов решен был арест, то депутация секретного комитета, обойдя короля, который об этом ничего не знал, отправилась к кронпринцу с просьбою дать с гауптвахты офицера и 14 человек солдат для арестования Спрингера. Кронпринц, давно уже с нетерпением ожидавший этой депутации, немедленно дал караул, и Спрингера арестовали, захватили все его бумаги. Кроме Спрингера хотели схватить еще канцелярии советника Рангштета. Корф, зная, что арест человека, игравшего одну из самых видных ролей в русской партии, приведет членов ее в совершенное бездействие, тем более что они сильно уныли и от Спрингерова ареста, - Корф поздно вечером отправился к королю, объявил, какой слух в городе носится о Рангштете, и прибавил, что он принадлежит к русскому посольству, заведует хозяйством посла, ибо прочие служители, как иностранцы, по незнанию местных условий не могут вести выгодно хозяйство. Король в тот же вечер велел позвать к себе

Пальмштерна и Горлемана и в присутствии генерала Шталя сделал им жестокий выговор. "Вы, - говорил он, - обнадружили меня словесно и письменно, что не предпримете ничего, что бы могло нарушить дружбу с русскою императрицею; а теперь вы позволяете себе такие поступки, в которых едва ли можете оправдаться. Арестование Спрингера, в котором я никакого участия не имею, я отдаю на вашу совесть; а теперь уже носится слух, что невинного Рангштета хотят также схватить на улице, хоть известно, что он принадлежит к русскому посольскому дому и ни одному иностранцу не запрещено держать слуг из шведов".

На другой день король прислал к Корфу статс-секретаря Нолькена с объявлением, что слух о Рангштете неоснователен. Но Корф дал знать своему правительству, что французская партия хочет схватить крестьянского предводителя на сейме Гедмана, и писал по этому случаю: "Если члены французской партии этих трех человек достанут в свои руки, то намерены по примеру испанской инквизиции хитростью, насилством, обещаниями и угрозами, как они это сделали в 1741 году с бедным Гильденштерном, заставить того или другого оговорить сенаторов Окергельма, Левена и Цедеркрейца, также двоих надворных советников, Аркенгольца и Вормгольца, чтобы их можно было также арестовать, а за ними арестовать генералов Дюринга и Сталя, канцлера юстиции Сильфершильда, надворного суда советника Фрединштирна, молодого камергера барона Пехлина; тогда они легко могли бы управиться и с графом Белке, ниспровергнуть всю патриотическую партию, и ваше величество в рассуждении своего интереса уже ни на что положиться не могли бы, и потому надобно употреблять всякие способы у духовного и крестьянского чина, чтоб отвратить этот опасный подкоп. Кронпринц играл в карты, когда капитан гвардии Флемминг из тайного комитета сообщил ему, что из писем канальи Спрингера ничего нельзя извлечь для его обвинения. Принц переменялся в лице, карты выпали из рук; он велел позвать к себе Пальмштерна и долго с ним разговаривал".

Между тем, несмотря на силу французской партии, арестование Спрингера произвело сильное волнение, ибо здесь затронута была безопасность каждого; духовенство 22 голосами против 14 решило, что назначенные из секретного комитета в следственную комиссию над Спрингером три члена из духовенства не должны в ней присутствовать. Французская партия со своей стороны разгласила в народе, что в руках у секретного комитета список тех лиц, которые подписали просительное о вспоможении письмо к русской императрице. Это было сделано с тем, чтобы испугать членов русской партии и зажать им рот. Однако благодаря решению духовенства следственная комиссия над Спрингером не могла состояться. Тогда кронпринц решился на отчаянное средство: отправил в секретный комитет письмо, где все те, которые откажутся присутствовать в комиссии над Спрингером, названы бунтовщиками и государственными изменниками. Секретный комитет приказал предводителю (тальману) духовенства архиепископу созвать свой чин в чрезвычайное собрание, что и было

исполнено; но когда предводитель изустно предложил, чтобы чин отменил прежнее свое решение относительно комиссии над Спрингером, ибо этого требует безопасность короля, кронпринца и государства, иначе духовный чин, по письму кронпринца, делается виновным в государственной измене, то протопоп Серениус обвинил архиепископа в незаконности действия, ибо тот сделал такое важное предложение изустно, тогда как должен был представить извлечение из протокола секретного комитета. После сильных споров собрание разошлось, ничего не постановивши; но архиепископ самовольно приказал трем депутатам из духовенства присутствовать в комиссии. В это самое время Упсальский университет избирал нового канцлера вместо умершего графа Гилленборга; граф Тессин очень добивался этого почетного и влиятельного места, ибо большая часть молодого дворянства воспитывалась в Упсале; но университет выбрал сенатора Окергельма. Чтобы не допустить одного из главных членов противной партии усилить свое значение, Тессин уговорил кронпринца искать канцлерского места, вследствие чего назначены были вторые выборы, но и на них снова был избран Окергельм. Но Окергельм не радовался этой победе; он боялся, что если французской партии удастся овладеть крестьянским чином, то это будет грозить страшную опасность существующей правительственной форме; он просил Корфа ради самого бога не жалеть никаких денег для подкрепления крестьян; но Корф отвечал, что уже издержал последние деньги и теперь ждет указа императрицы, а между тем надеется, что патриоты при таких сомнительных обстоятельствах сами постараются собрать сколько-нибудь денег.

Не имея денег, Корф действовал другими средствами: подал правительству промеморию против задержания Спрингера, чем затруднил французскую партию, не знавшую, что отвечать на промеморию, ибо за Спрингером не оказывалось никакой вины; кроме того, Корф распространил в народе напечатанную в Германии брошюру "Разговор двух шведов"; брошюра была направлена против прусского союза. Корф писал своему двору, что французская партия сильно домогается установления самодержавия и все к тому приготовлено. Когда сенатор Окергельм представлял кронпринцу, что если б он имел малейшее известие, что его высочеству угодно быть канцлером Упсальского университета, то никак бы не позволил внести себя в число кандидатов, то кронпринц отвечал ему презрительным тоном: "Я это звание хочу иметь и получу". Составляют план, чтоб кронпринцу привести в свое распоряжение стокгольмских горожан; для этого склоняют обер-штатгольда барона Фукса уступить это место кронпринцу за деньги. Составлен также план в полках, находящихся в осьми ближайших к Стокгольму провинциях, заставить полковников за деньги уступить свои места, которые раздать членам французской партии, а полк лейб-гвардии отдать самому принцу и, таким образом, приготовить корпус войска, который бы по первому сигналу мог произвести в действие насильственный план французской партии. Помехою для осуществления этого плана служит старый король, и потому сильно хлопчут, каким бы

образом лишить его престола; духовный и крестьянский чины тут больше всего препятствуют. Король дал знать Корфу чрез генерала Сталя, что если будут сделаны ему предложения об отречении от престола, то он отвергнет их с твердостью, если только не будет употреблено насилия. Подозрительность дошла до такой степени, что король принимал меры за столом, чтобы не съесть или не выпить чего-нибудь отравленного.

Члены французской партии прямо говорили в секретном комитете: "Благодаря деятельности комитета, благодаря избранию новых сенаторов Швеция освобождена от русской зависимости, а если бы мы позволили себе испугаться поступков русского посла, то государство наше навеки должно было бы повиноваться повелениям его двора. Все известия единогласно подтверждают, как ошиблись заблудшие дети шведского отечества, которые полагались на русскую помощь. Известен обычай русского двора на сеймах гордо говорить, но при этом и остаться. Удивительно, что друзья России так упорно ее держатся, хотя они горьким опытом дознали, что, кроме обещаний, они от нее ничего не получили". Кронпринц сказал одному преданному человеку, который обнаружил сомнение насчет полезных следствий его поступков: "Не думаешь ли ты, что я не получал никаких известий о состоянии русского двора? Если колпаки надеются получить от него помощь, то они обмануты; мне надобно пользоваться настоящими обстоятельствами или навсегда отречься от своего плана. Когда я был любским епископом, то нуждался в помощи русской императрицы; а теперь, будучи кронпринцем шведским, должен сам себе помогать". Кронпринц главным средством поставить себя на твердую почву считал привлечение на свою сторону крестьянства для чего разослал по областям преданных себе людей. Но крестьянские депутаты на сейме крепко держались против французской стороны, и Корф писал, что причину такого поведения их должно приписать королю, ибо хотя русская партия и собрала небольшую сумму денег на содержание крестьян, но так как эта сумма оказалась недостаточною, то король дал значительную сумму как на крестьян, так и на духовенство. "Старый мудрый государь, - писал Корф, - принял при этом такие хорошие меры, что только три человека знают тайну, так что члены французской партии никак не могут угадать, каким образом крестьяне оказываются им противны, несмотря на большие деньги, розданные кронпринцем". Так как у крестьянского оратора были в руках доказательства интриг, которые производились для склонения крестьян к французской стороне, в его же руках находился и список лиц чрез которые производились эти интриги, то преданный русской партии ландмаршал уговорил оратора и еще одного крестьянина объясниться откровенно с графом Тессином. Крестьяне прямо объявили графу, что он во всем государстве считается виновником всякого беспорядка; что преданные французской партии крестьяне во всех публичных местах хвастают, будто кронпринц объявил себя главою сеймовых дел, и они под таким покровительством и разумным руководством графа Тессина надеются иметь полный успех. Но неудовольствие в большинстве крестьян от нарушения их вольности и

привилегий так усилилось, что может быть опасно ему, графу Тессину. Конечно, ему известно мнение большинства народного, что, пока правление будет в его руках, до тех пор ни на какой надежный мир с Россией надеяться нельзя, ибо Россия оскорблена поступками его и его партии на сейме, и если Дания, увидав слабость Швеции вследствие потери русской дружбы, начнет неприятельские действия, то на кого падет ответственность? Он, граф Тессин, напрасно думает, что те крестьяне, которые известным образом его посещают, ему друзья: в случае опасности они первые обратятся против него. Смущение Тессина при этих словах было величайшее; он мог только отвечать, что все это русский посланник внушает народу дурные об нем слухи, но время покажет его невинность. Тут оратор, чтоб еще более напугать Тессина, объявил ему решение крестьян отправить депутацию к кронпринцу с представлением, что крестьянский чин никак не может думать, чтоб его высочество позволил так употреблять во зло свое имя, чтоб позволил объявить себя главою некоторых мятежных крестьян, и потому крестьянский чин просит позволения исследовать, кто распустил подобный слух. Тессин начал усердно просить оратора, чтоб он уговорил крестьян не приводить в исполнение своего решения, и со своей стороны дал честное слово донести кронпринцу обо всем и переменить все дело.

Король при первом свидании спросил Корфа, слышал ли он о разговоре крестьянского оратора с графом Тессиним. "Кое-что слышал", - отвечал Корф. "Я, - продолжал король, - сегодня в Сенате свое прямое мнение объявил, а еще прежде в своем кабинете графу Тессину сильный выговор сделал". Тут король подозвал к себе сенатора Окергельма и сказал ему: "По моим ведомостям, французское большинство в секретном комитете начало уменьшаться, и надеюсь, что наконец дела благополучно пойдут. Этим мы обязаны русской императрице; что бы теперь с вами, бедными колпаками, сделалось, если б русский посол не оказал твердости и противную вам партию не держал в страхе и трепете? Были бы вы совершенно уничтожены, потому что насилия уже начались". Корф сказал на это: "Я сердечно желаю обращения злой партии, но чтоб это обращение последовало не от страха, а из сознания истинных шведских интересов".

Корф предложил шведскому правительству приступить к союзу, заключенному между Россией и Австриею. Русская партия требовала этого приступления, указывая на датские вооружения, которые кончатся ничем, как скоро узнают о тройном союзе между Россией, Австриею и Швециею; тогда французская партия начала распускать слухи, что Россия не будет в состоянии помочь Швеции, ибо на нее вооружается Турция, и потому единственное спасение Швеции - просить предлагаемые Франциею субсидии и, теснее соединиться с Пруссиею. Корф вместе с австрийским резидентом опровергали слухи о враждебных движениях Турции, а король в Сенате прочел и велел записать в протокол мнение, где он указывал на необходимость приступить к австро-русскому союзу и отвергнуть прусский.

Этот вопрос о союзе подал повод к страшным спорам в секретном комитете. Приверженцы прусского союза выставляли преимущественно опасность, которая будет грозить кронпринцу, если состоится приступление к австро-русскому союзу, и потом указывали на состояние внутренних и внешних дел России, цитую тайные известия из Петербурга, Копенгагена, Лондона. По этим известиям, будто бы состоялось соглашение между Россиею, Даниею и Англиею о низвержении наследного принца шведского; но Россия сама находится в опасном положении: неудовольствие между императрицею и великим князем усиливается день ото дня и народ разделился на партии; образовалась и третья сильная партия в пользу принца Ивана: она поддерживается некоторыми иностранными дворами. Персияне с сильным флотом приближаются к русским берегам, на кораблях у них 72000 войска. Граф Тарло обещал генералу Штейнфлихту, что как скоро будет заключен союз между Швециею и Пруссиею, то он образует конфедерацию в пользу короля прусского и выставит польскую конницу, которая будет защищать Пруссию от русских нерегулярных войск. В России ни о каких вооружениях не помышляют, в Финляндии только пять галер и три полка, между которыми обнаружались болезни; при таких обстоятельствах Швеция поступила бы крайне неблагоприятно, если б не обеспечила себя сильным союзом прусским.

23 апреля Сенат получил извещение из тайного комитета, что в нем решено вступить в союз с королем прусским и отклонить предложение императорского двора о приступлении к австро-русскому союзу. Король, поддерживаемый сенаторами русской партии, потребовал было, нельзя ли об этом решении сообщить наперед русской императрице; но французская партия восстала против этого, говоря, что это покажет какую-то зависимость Швеции от России. Когда Корф выговаривал колпакам за слабость, оказанную ими в этом деле, то они отвечали, что они в меньшинстве и на противной стороне кронпринц, который действует как самодержец; так как противная партия мало уважает совесть, законы, честь и стыд, то они должны опасаться арестов, гонений и самой пытки по обвинению во враждебных замыслах к кронпринцу и государству, если б они оказали дальнейшее сопротивление прусскому союзу, не будучи наверно обнадежены в помощи иностранных держав. Они даже не знают, какой предстоит им жребий во время сейма, а крестьянский чин хотя довольно постоянен и мог бы вместе с духовным чином много добра сделать, но опасно, чтоб и в нем не произведено было движений интригами противной партии, а противиться этим интригам нельзя без денег.

Торжествующая французская партия приступила теперь к оправданию графа Тессина от взведенных на него русским двором обвинений, потому что ей хотелось доставить ему место президента Канцелярии иностранных дел; говорили: "Граф отнесся с презрением к разглашенным против него неосновательным слухам; теперь не только шведы, но даже иностранцы знают о его невинности из напечатанных в его пользу сочинений". Корф

молчал; тогда начали говорить: "Если б русский посол мог доказать что-нибудь против графа Тессина, то не упустил бы сделать это теперь; его молчание показывает, что русский двор, затрагивая графа Тессина, хотел затронуть не его, но кронпринца". Тогда Корф препроводил канцлеру Нолькену промеморию, в которой излагал содержание пересланного ему из Петербурга письма Тессинова к известному ренегату Бонневалю. Русский двор, недовольный поведением шведского министра в Константинополе Карлсона, требовал его отозвания, что и было исполнено; но при этом Тессин писал Бонневалю, что Карлсон призывается в Швецию только для необходимых донесений сейму о состоянии дел, по окончании чего возвратится в Константинополь, что король очень доволен поведением Карлсона и богато наградит его. Мало того, преемника Карлсонова Целзинга граф Тессин не усомнился поручить милости и руководству Бонневаля, т. е. такого человека, который издавна оказывал себя врагом России. "Императрица, - заключил Корф в своей промемории, - никак не хочет приписывать этого королю; она обвиняет только министра, который для прикрытия своих тайных замыслов употребил во зло имя государя и государства, и потому императрица представляет просвещенному рассуждению, может ли при министерстве этого сенатора соблюдаться и укореняться доброе согласие между Россиею и Швециею".

Когда промемория прочтена была в Сенате, то французская партия пришла в ужас, зная, что в раздаче копий с нее недостатка не будет. Граф Тессин совершенно растерялся и поспешил объявить, что при таком состоянии дел никогда не примет звания президента Канцелярии иностранных сношений. Так как не могли понять, каким путем письма достались в руки Корфу, и опасались, что, пожалуй, у него есть и оригиналы, если Неплюев нашел средство по смерти Бонневаля достать некоторые его бумаги, то и не имели духа отрицать подлинность писем.

Шведский посол при петербургском дворе граф Барк действовал не так, как бы хотелось господствующей партии, а потому на его место назначен был Вульфенстерн, который перед отъездом имел совещания с членами тайного комитета. Содержание этих совещаний не осталось тайною для Корфа. Вульфенстерну было поручено, во-первых, стараться о свержении канцлера Бестужева и потом о свержении настоящего правительства. Не надобно упускать времени для свержения Бестужева, пока еще война идет в Европе, ибо после мира королю прусскому еще крепче будут связаны руки: ему нужно будет тогда ласкать те дворы, которые теперь, находясь в войне, принуждены его ласкать. У Бестужева много врагов в России, и Вульфенстерн должен с ними сблизиться, особенно надобно ему получить основательное сведение, кто из дам в наибольшей силе при дворе; их он должен приводить в движение двумя способами, в которых ошибиться не может и которые он с успехом употреблял при дрезденском дворе, а именно свое красивое лицо и волокитство; страсть к игре должна ему также помочь. Хотя граф Барк и назвал некоторых мужчин и женщин, которые при случае показывали свое расположение к Франции и.

следовательно, к Швеции и Пруссии и находятся в сильной вражде с Бестужевым, но так как Барк поступал двоедушно, то Вульфенстерн не обязан слепо следовать его указаниям, не подвергнувши их прежде проверке, в чем граф Финкенштейн и Дальон не откажут ему помочь. Если он при движениях против Бестужева будет нуждаться в деньгах, то ему стоит только дать знать об этом французскому министру, которого двор не откажется доставить надобную сумму. Пока дело не достигнет зрелости, он должен содержать виды шведского правительства в глубочайшей тайне, особенно не должен он иметь явных сношений с людьми, преданными принцу Ивану, хотя под рукою может обещать им всякую помощь со стороны Швеции. Что касается Корфа, то Вульфенстерну причтено будет в особую услугу, если он добьется его отозвания. Во что бы то ни стало его должно выжить из Стокгольма: ему одному надобно приписать то, что колпаки так упорно держатся и не хотят уступить. Настоящий сейм был самый трудный из всех и по введении в Сенат благонамеренных членов давно уже должен был бы кончиться, если бы колпачная партия не была подкреплена хитростями Корфа при ее вредных видах. Кроме того, самые тайные советы и меры не могут укрыться от Корфа, а каналы, которыми доходят до него сведения, до сих пор открыть нельзя. Вульфенстерн должен стараться, чтоб в случае отозвания Корфа на его место не был назначен граф Михайла Бестужев-Рюмин: он так знает шведские дела и так всеми любим в Стокгольме, что при такой перемене нельзя ничего выиграть. Вместе с Корфом должен быть удален и канцелярии юнкер Симолин, подозрительный своим знакомством со всеми людьми, враждебными настоящей системе.

Самым видным из этих людей был сенатор Окергельм, и шляпы решились поднять против него обвинение; так как Окергельм пользовался большим уважением, то вопрос, наряжать ли против него следствие, прошел утвердительно только большинством трех голосов. Колпаки обратились к Корфу с представлением, что благодаря такому расположению к Окергельму можно еще выиграть дело, что они сложились и собрали несколько денег, но мало и потому не может ли он дать им 4000 рублей для соблюдения интересов ее величества, так тесно связанных с сохранением Окергельма. Корф отвечал, что пошлет за указом в Петербург. План французской партии состоял в том, чтоб, управясь с Окергельмом, в продолжение сейма вытеснить из Сената и других сенаторов русской партии, именно Кронстета, Левена, Врангеля и Цедеркрейца, а чтоб сделать приятное Елисавете, ввести снова в Сенат члена русской партии графа Бонде и даже сделать его президентом Канцелярии иностранных дел. Но Корф писал, что Бонде неумен и трусоват, без подкрепления и наставления Окергельма никакой помощи России оказать не может; граф Тессин со своими сообщниками в Сенате стали бы совершенно им управлять. Все благонамеренные усердно молятся, чтобы благоприятным ветром принесло русские галеры к шведским берегам: тогда французская партия ослабеет, благонамеренные приедут из провинций и дела примут другой ход.

Так как граф Барк дал знать, что Корф сообщает своему двору самые тайные дела, то положили канцелярскую переписку разделить на внутреннюю и внешнюю и последнюю поручить только самым надежным секретарям. Корф, донося об этом распоряжении, замечал: "Это мне не помешает иметь верные известия обо всем. Шведские молодые люди так испорчены, что деньгами их ко всему склонить можно. Надобно опасаться одного, что когда те люди, которыми я до сих пор пользовался, в иностранном отделе не останутся, то надобно будет отыскивать новых, и так как их будет меньше, то потребуют и большого вознаграждения, поэтому, ваше величество, не соизволите ли малую сумму, около 1500 рублей, определить". Корф имел возможность донести своему двору об ответе кронпринца одному вельможе, который говорил, что долгие сеймы всегда бывали вредны для Швеции. "Сделай только, - отвечал принц, - чтоб Окергельм уволился из Сената и дал по себе поруку, что впредь никогда в сеймовые дела мешаться не будет; также пусть русский посол отсюда уедет, и я обещаю, что сейм в восемь дней окончится; по все истинные патриоты такого мнения, что они и принятые ими на нынешнем сейме полезные меры не могут быть обеспечены, пока эти два человека будут вместе".

Чтобы поддержать Окергельма, Корф велел раздать крестьянам 5000 талеров; но это не помогло, большинство оказалось не за Окергельма, и последний, испугавшись, согласился подать в отставку от сенаторской и обер-маршальской должности. В Петербурге граф Барк подал императрице жалобу на Корфа за его вмешательство во внутренние дела Швеции, за представления настоящего министерства злонамеренным и т. п., но жалоба, разумеется, не произвела никакого действия.

В русском ответе говорилось, что императрица "не без удивления усмотреть принуждена, что некоторая партия, которая была причиною прежних несогласий по своекорыстным своим видам, сильно старается не только доброе соседственное согласие, сколько возможно, нарушить, но и свое отечество *в новые дальности* привести. Эта партия по своему превратному намерению никакого надежнейшего предмета изыскать не могла, как его величество короля склонить на ее императ. величества посла барона Корфа жалобы приносить повелеть. Ее величество не может не выразить своего удивления, что со шведской стороны хотят сочинять жалобы, к которым сами повод подали". По опровержении всех жалоб ответ заключает: "Ее императ. величество по любви его величества короля и справедливости таким образом обнадежена пребывает, что его величество без труда сим неосновательство всех на ее посла принесенных жалоб усмотреть, еже его королевскому величеству и толь легче будет, понеже он посла при каждом случае особливо отличал и многие знаки своего милостивого удовольствия об нем оказал. Ее императ. величество имеет потому основательную причину чаять, что его величество король во всех сих жалобах весьма никакого участия не принял, но оные только

некоторыми персонами, кои охотно приватной своей корысти при поссорении дворов ищут, умышленно составлены".

Не имея возможности отделаться от Корфа, тем сильнее начали хлопотать о том, чтобы добить членов русской партии, чем наносился самый чувствительный удар Корфу. Тайный комитет решил отказать Окергельму в увольнении из Сената, а призвать его пред особо назначенную депутацию к ответу в взводимых на него обвинениях, равно как и единомысленных с ним сенаторов Кронштета, Поссе и Врангвля. Те самые люди, которые напугали его и присоветовали подать в отставку, теперь начали его уговаривать, чтоб он для избежания беды подал в тайный комитет мемориал, где бы признал себя виновным и предал себя великодушию тайного комитета; в таком случае он может быть обнадежен, что с честью выйдет из дела и получит увольнение. Но Окергельм показал себя не совсем колпаком и не согласился на это предложение, увидав ясно, что его нарочно уговорили подать в отставку, чтоб накинуть на него подозрение в народе. В русской партии было решено, чтоб Окергельм обратился ко всем четырем чинам, а между тем духовный и крестьянские чины привести к тому, чтоб они его поддерживали; обратились и к мещанскому чину, но бургомистр Боберг потребовал за услугу 10000 платов, какой суммы достать было неоткуда; тогда сам король взялся ее доставить, занявши за 12 процентов. Тайный комитет настоял, чтоб Окергельм отвечал пред депутацию, после чего в комитете он был оправдан и решено дать ему увольнение из Сената; но духовный и крестьянский чины потребовали, чтобы Окергельм за его великие заслуги оставлен был в Сенате, за что получили от Корфа обещанные им 7000 талеров (медною монетою). "Таким образом, - писал Корф, - из назначенных вашим в-ством для Окергельмова дела 4000 рублей издержано до 1800 рублей; а что французская партия не приметила, как дело делалось в духовном и крестьянском чинах, это видно из смущения ее членов, когда они узнали о решении духовного и крестьянского чинов. Ландмаршал велел тотчас позвать к себе крестьянского старшину (тальмана) и старался ему внушить об опасных следствиях поступка обоих чинов, прося его изменить дело на будущем полном собрании чинов; послал и за Окергельмовым секретарем и просил его склонить сенатора, чтоб он настоял на своем увольнении, ибо иначе французская партия к нему вновь придерется и вторично поднимет его дело. Секретарь отвечал, что он не может вмешаться в это дело, да и не видит, как можно взвести на Окергельма новые обвинения, когда он уже оправдан Секретным комитетом.

Между тем комитет собрался в превеликой ярости. Пальмстерна угрожал Окергельму конечною гибелью, и все вообще нападали на духовный чин, особенно на епископа Альстрина, крича, что он хотел воспалить огонь несогласия во всех четырех частях государства; старик приведен был в такое волнение грубыми выражениями противников, что больной отвезен был домой. Принято решение начать переговоры с Окергельмом, в которых проведен целый день. Перед домом Окергельма вдруг появилось

множество людей, одна карета отъезжала, другая подъезжала; сперва налегали на него с угрозами, что если он своего увольнения не примет, то неминуемо придет в гораздо опаснейшее состояние. Так как угрозы оказались недействительны, то употребили сладкие слова, обещая ему со стороны тайного комитета такое вознаграждение, которое заменит всякую пенсию, какую бы он мог получить, и потому в его воле состоит возвратить государству согласие. Окергельм отвечал, что он никак не хочет умножить раздор в государстве; но тайный комитет передал его дело чинам, и потому он будет ожидать их решения; он подал в отставку поневоле, и, несмотря на то, против него начали дело, и некоторое время его репутация подвергалась пересудам народным, от пенсии же он отказаться не может. Переговоры еще продолжаются, а между тем я стараюсь поддерживать его смелость и постоянство, и он обещает мне быть твердым. Некоторые из твердейших патриотов думают, что не будет никакого вреда их делу, если Окергельм при настоящих обстоятельствах выйдет из Сената: его невинность и злонамеренность противников ясны, и на будущем сейме можно легко действовать в его пользу, маршалский жезл его не минует, и, таким образом, он больше будет иметь случая показать свои услуги в рыцарском доме, чем в Сенате, где большинство голосов на стороне враждебной; останется он в Сенате, то все злонамеренные соединятся против него вместо того, чтобы ссориться между собою, что непременно последовало бы, если б они не имели общего предмета ненависти в нем".

Подучили самого короля, чтоб и тот уговорил Окергельма выйти из Сената; но старик не принял и королевских представлений. Тогда французская партия подкупила придворного проповедника Троилиуса, одного из лучших друзей Окергельма. Троилиус пошел в собрание духовного чина, благодарил его за желание удержать Окергельма в Сенате, но вместе с тем объявил его именем, что он для общего блага и для восстановления согласия между государственными чинами не хочет оставаться сенатором. Духовный чин, не подозревая нисколько Троилиуса, сильно рассердился на Окергельма за его непостоянство и определил дать знать прочим чинам, что так как Окергельм настаивает на своем увольнении, то духовный чин приступает к решению дворянского и мещанского чинов. Таким образом, дело об оставлении Окергельма сенатором и было покончено; враждебная партия не замедлила разгласить, что, значит, у Окергельма нечиста совесть, когда он не посмел остаться в Сенате, находясь в таком выгодном положении, имея на своей стороне духовенство и крестьян. Вслед за тем французская партия одержала и другую победу - провела Тессина в президенты Канцелярии иностранных дел. Сейм кончился в декабре.

Гросс из Парижа доносил в Петербург, что Франция так же сильно интригует против России в Константинополе, как в Стокгольме. Неплюев в начале года писал из Константинополя: "Хотя теперь с турецкой стороны чего-нибудь опасаться и нечего, хотя все приятели обнадеживают, что Порты ни о чем против вашего импер. величества не помышляет и хану

внушено сохранять спокойствие, однако уменьшать предосторожности не следует, а надобно прибавить на Украине несколько полков; это послужит в пользу венского двора и против французских подущений, которые не только не перестают, но еще умножаются, впрочем, по благодати божией, без успеха". Так, французский посол Каstellан внушал, что в России на Украине вспыхнул бунт, несколько козаков ушло в Польшу и вообще вся Малороссия ждет только удобного случая к восстанию, что Порта должна воспользоваться этими обстоятельствами и сделать диверсию в пользу Швеции, которой Россия хочет предписывать законы.

21 января явились к Неплюеву три человека: венецианский подданный корабельщик Макри, александрийский грек Пери и русский подданный Федор Иванов. Пери, служивший у последнего толмачом, объявил следующее: Федор Иванов называет себя сыном царя Ивана Алексеевича, будто в самых молодых годах поручен для скрyтия матерью его, царицею Прасковьею Федоровною, греческому монаху Евфимию вместе с одною женщиною-голландкою по имени Мария. Евфимий, одев его в женское платье, провез из Москвы в Астрахань, а оттуда чрез Персию в Бассору, где Мария умерла, а монах с Федором Ивановым переехал в окрестности Дамаска. Между тем монах будто бы три раза ездил в Россию, жил там по два и по три года и привозил много денег и драгоценных камней, полученных будто бы от царицы Прасковьи Федоровны. Евфимий пропал в Иерусалиме, а Иван Федоров странствовал по разным местам Азии, держа себя продажею драгоценных камней, оставленных ему Евфимием, потом объявил себя лекарем и взял себе в толмачи Пери, потому что не знал никакого другого языка, кроме арабского, был в Кипре, где открыл свое происхождение архиепископу, который посоветовал ему отправиться на Афонскую гору; здесь монахи приняли его дурно, объявивши плутом и лжецом, и он отправился в Константинополь. Неплюев стал увещевать самозванца, чтоб объявил о себе сущую правду; тот отвечал, что от роду ему 40 лет и что все сказанное Пери - правда. Тогда Неплюев принял за другое средство - велел сечь его нещадно плетьюми и заставил объявить, что он действительно русский подданный, а из которого места, как выехал и кто его отец, о том ничего не знает, кроме того, что монах Евфимий и жена его Марья ему объявили, а если они все затеяли ложно, то и он лжет. Неплюев велел его сковать и отправить в Россию сухим путем с поручиком Обрезковым, наказав последнему употребить все средства, чтобы не дать колоднику уйти. Самозванец притворился, что сильно желает возвратиться в Россию; но, приехав с Обрезковым в Айдосы, закричал, чтобы турки освободили его как султанского подданного и что он хочет принять магометанство. Обрезков выстрелил в него из пистолета, но не попал и, не успевши выручить его из турецких рук никакими посулами и домогательствами, поспешил возвратиться в Константинополь. Неплюев, чтоб спасти теперь Обрезкова от опасности и не завести неприятного дела с Портою, отправил его немедленно опять в Россию на Киев. После Неплюев узнал, что турецкое правительство отправило Федора Иванова в Алеппо, откуда он объявил себя родом.

Новое значение турецким отношениям грозил дать переворот, происшедший в Персии. Назначенный сюда полномочным послом князь Голицын в начале описываемого года вступил в персидские границы; но в апреле писал императрице из Ряща, что от самых границ до этого города, кроме обид, наглости и неудовольствий, от персиян ничего не видал и на будущее время лучшего надеяться нельзя; притом во многих местах начались бунты, потому что правительство обходится с подданными безо всякого милосердия. "Если отважиться в дальнейший путь, - писал Голицын, - то не предвидится никаких средств к охранению моего значения и самой жизни; нет надежды, чтоб я мог достать подводы даже и за свои деньги, и потому без указа я опасаюсь ехать дальше. По нынешним дурным обращениям и обстоятельствам в Персии не повелите ли мне, рабу вашему, морем возвратиться в Россию?" К умножению неприятностей Голицыну дали знать, что резидент Братищев "в пьянстве упражнялся и такие сумасбродства, драки и прочие непотребные поступки чинил, которых не только резидент, но и самый бы бурлак чинить не мог". В бытность свою в Ряще вместе с резидентом Голицын заметил, что "такое его пьянство и в пьянстве сумасбродство по ночам случается". Мало того, получены были известия от персиян, что Братищев просил шаха принять его в персидское подданство.

Голицын писал жалобы и на консула Бакунина, который представлял, что жители Ряща хотят отложиться от шаха и принять русское подданство, и требовал, чтобы посол принял их в свое покровительство, страшая, что в противном случае ему предстоит от них большая опасность, в случае же согласия на их желание прельщал тем, что в городе находится шаховых денег триста тысяч рублей. Голицын отвечал ему, чтоб он не только делом, но и словом не смел вмешиваться в такие дела. Но и после этого Бакунин, по словам Голицына, продолжал действовать по злодейским и коварным вымыслам, чтобы только поскорее отпустили его в Россию.

15 мая Голицын известил императрицу, что принужден, но дожидаясь указа, возвратиться на судах в Астрахань. Ему давали знать из Петербурга, что из Крыма пронеслись на Украину ведомости, будто между султаном и шахом условлено напасть в одно время на Россию. Голицын отвечал, что слухи невероятны, потому что как бы Надир ни был зол на Россию и как бы французы ни старались усиливать эту злобу, только теперь и на будущее время он ничего сделать не в состоянии: повсюду мятежи, войско от постоянного голода так изнурено, что и с внутренними врагами управиться не может; новое войско набрать неоткуда, да хотя бы вооружил всех персиян поголовно и двинул на Россию, то последней это не опасно: от реки Куры до Дербента места пустыне, где хлеба ни зерна; к Дербенту пройти трудно, потому что встретит препятствия от изменивших ему шемахинских и генджинских жителей и грузинского владельца Теймуразмирзы, которые будут действовать заодно с лезгинцами. Голицын, впрочем, оставался в Ряще до 5 июля, когда получил известие о

смерти Надира, убитого взбунтовавшимся войском, после чего посол возвратился в Астрахань.

Уведомленный им об этих событиях, канцлер доложил императрице: "Нынешним в Персии генеральным бунтом, разделением парода на многие партии, мором и голодом предвещается упадок этого государства; но так как для России очень опасно, чтобы Оттоманская Порта, пользуясь слабостью Персии, не овладела ею и не сделалась для России опасным соседом, и так как главная цель Петра Великого в завоевании Гиляни и других персидских областей была та, чтобы отдалить соседство турок, а не та, чтоб удерживать эти области за собою, то канцлер представляет, не соизволит ли ее величество указать для рассуждения о персидских делах как можно скорее собрать совет; а между тем канцлер думает, не потребно ли иногда будет под командою доброго генерала послать в Гилян несколько войска на помощь персиянам против турок в случае внезапного нападения последних или под предлогом успокоения междоусобных замешательств; а чтобы отнять всякое подозрение, то, нагрузя несколько судов хлебом, разменивать его там на шелк, отчего вследствие свирепствующего там голода казне будет большая прибыль. Совету же быть может предложено и прежнее канцлерово мнение о сожжении построенных в Персии кораблей и о захвачении Элтона". Императрица 21 августа указала пригласить в коллегия Иностранных дел для рассуждения и советования о персидских делах генерала графа Румянцева, генерал-прокурора князя Трубецкого, генералов Бутурлина, Апраксина и тайного советника барона Черкасова.

27 августа совет постановил: 1) удостовериться в смерти шаха Надира; 2) пригласить горских дагестанских владельцев ко вступлению в русское подданство, пославши к ним небольшие подарки из сукон и камок; 3) в Астрахани держать наготове достаточное число морских судов, на которых в случае нужды перевозить войско и провиант, отправить туда готовые суда из Казани и строить новые; 4) заготовить в Астрахани провиант; 5) отправить нынешней же осенью как можно скорее к гилянским берегам до 1000 четвертей пшеничной муки для продажи тамошним жителям на деньги или для мены на шелк; 6) воспользоваться смутю в Персии и смертью шаха для искоренения корабельного строения, заведенного Элтоном: для этого предписать находящемуся в Гиляни резидентом Черкасову подкупить из бунтовщиков или других персиян, чтоб сожгли все корабли, построенные или еще строящиеся, сжечь также заведенное там адмиралтейство, анбары, парусные и прочие фабрики и инструменты, что можно будет, то бы все сожгли, а иное разорили б до основания, к чему хотя несколько их разных людей уговорить, чтоб они это сожжение как можно скорее сделали, и за то им хотя бы и знатную сумму из казенных денег выдать. Если б это не удалось, можно тем командирам, которые на судах с продажным хлебом к гилянским берегам будут отправлены, поручить, чтоб они как на походе в море, так и в бытность при берегах всегда примечали и, где им персидские корабли попадутся, всячески

старались, если возможно, скрытно, а по нужде хотя и явно зажечь и таким образом сделать, чтоб они вовсе пропали; также командиры приложили бы старание, будучи там на малых судах, тайно или под видом разбойников съездить в Ленгерут и случая искать находящиеся там корабли и всякое адмиралтейское строение сжечь и до основания разорить. Равномерно и о том стараться, чтоб заводчика этого корабельного строения Элтона оттуда достать, или уговорить, или тайно схватить, или у персиян за деньги выпросить и немедленно в Астрахань отослать. Императрица апробовала этот доклад, подписанный графом Алексеем Бестужевым, графом Румянцевым, Бутурлиным, графом Воронцовым, Апраксиным, бароном Черкасовым, Юрьевым и Веселовским.

В сентябре было получено достоверное известие, что шах Надир убит и шахом сделался племянник его Али-Кулы-хан, умертвив детей и внука Надировых. Поэтому 6 октября императрица велела опять собраться совету, который решил войти с новым шахом в дружеские сношения; впрочем, прежнее решение совета остается во всей силе, с исключением одного, чтоб командиры судов, отправляемых в Гилян, *явно* не жгли персидских кораблей, чтоб не озлобить нового шаха, а стараться сжечь корабли самым скрытным образом под видом разбойников или как будет удобнее. И это мнение было апробовано.